

Николай Панов

СУДОРОГИ

18+

Николай Панов

Судороги

«Автор»

2019

Панов Н. В.

Судороги / Н. В. Панов — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07458-3

Роман-антиутопия «Судороги» является продолжением романа-антиутопии «Суррогат» и рассказывает о жизни Стэллы, дочери простого человека и иммунологического андроида – человека с внедренным в ДНК единым информационным ядром. Стэлла – человек будущего, а иммунологический андроид становится промежуточным звеном между прошлым и грядущим. «Очеловечивание» иммуноандроидов – это итог их развития при социальном контакте с людьми. Является ли это ошибкой научных изысканий?

ISBN 978-5-532-07458-3

© Панов Н. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Вместо предисловия	6
Действие первое	7
Действие второе	10
Действие третье	13
Действие четвертое	15
Действие пятое	20
Действие шестое	22
Действие седьмое	25
Действие восьмое	28
Действие девятое	30
Действие десятое	32
Действие одиннадцатое	35
Действие двенадцатое	40
Действие тринадцатое	42
Действие четырнадцатое	44
Действие пятнадцатое	45
Действие шестнадцатое	47
Действие семнадцатое	48
Действие восемнадцатое	51
Действие девятнадцатое	52
Действие двадцатое	54
Действие двадцать первое	56
Действие двадцать второе	58
Действие двадцать третье	63
Действие двадцать четвертое	66
Действие двадцать пятое	68
Действие двадцать шестое	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Книга посвящается Звёздочкиной М.М.

Автор романа – Николай Викторович Панов (1966 г.р.) – окончил Международный Славянский Институт по специальности «психология». В настоящее время работает лаборантом в лаборатории функциональной нейроцитологии Института Высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, ученик Н.С. Косицына. Соавтор научных статей в журналах «Нейрокомпьютеры: разработка, применение» и «Биомедицинская радиоэлектроника» (издательство «Радиотехника»). Является автором статьи «Пространственно-плоскостное взаимодействие сознания с внешним миром в нейролокомоторике боевых искусств Востока для разработки роботизированных систем принципиально нового типа – гуманоидного иммуноандроида как техноиммуносистемы» (DOI: 10.18127/j19998554-201904-09). Все иллюстрации в книге сделаны автором.

В работе принимали участие:

Михаил Владимирович Федулов

Вице-президент федерации Вовинам Вьет Во Дао России, мастер боевых искусств Востока, автор ряда научных статей в журнале «Нейрокомпьютеры: разработка, применение» (издательство «Радиотехника») в 2016-2018 гг. Является автором идеи теории боевых искусств Востока.

Надежда Александровна Логинова – окончила биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории функциональной нейроцитологии ФГБУН Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (Москва). Является автором более 30 научных работ в российских и зарубежных журналах. Является основным консультантом в некоторых вопросах биологии, соавтором научных публикаций по данной теме, а также самым строгим читателем и критиком.

Иван Борисович Комков – тренер спортивного клуба «КАНКУ» (г. Троицк) Московской Федерации Кёкусинкай (IFK), черный пояс, 1-й дан. Неоднократный призер клубных чемпионатов, чемпионатов Москвы и Московской области по кумитэ, участник чемпионатов Москвы по ката. Представлял команду Москвы (кумитэ) на Всемирных Юношеских играх в 1998 году. Является коллегой и соавтором научных публикаций по данной теме.

Николай Степанович Косицын – заслуженный деятель науки РФ, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории функциональной нейроцитологии ФГБУН Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН (Москва). Горячо поддержал коллектив автором идеи теории движений и алгоритмов, основанных на боевых искусствах Востока. Также является соавтором данных научных публикаций.

Александр Викторович Савельев – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, начальник патентного агентства «©Уникально честное патентование» (Москва); главный инженер по менеджменту качеством ВМЗ в СДС «Военный регистр». Является консультантом в области философии, а также соавтором научных публикаций.

Владислав Витальевич Дианов – окончил Институт телевидения и радиовещания им. Литовчина (ГИТР). Продюсер кино и телевидения. Имеет работы: «Осколки снов», режиссер А. Золотков; «Герой», режиссер Д. Тархов; «Пара центральных», режиссер В. Дианов

Александр Валерьевич Тюкаев – родился в Москве 10 марта 1970 года. С детства увлекался Флорой и Фауной, а точнее – амфибиями и рептилиями, содержанием и разведением которых занимается до сих пор. Несколько сезонов работал змееловом в Средней Азии и Закавказье. Имеет множество хобби – путешествия, фотография, велосипеды, музыка, ножи. Женат и счастлив, ибо супруга полностью разделяет его интересы.

Юрий Ярославович Сичкарь – старший оперуполномоченный уголовного розыска, капитан полиции.

Вместо предисловия

В предисловии к первой книге Николая, которая называется «Суррогат», я говорил о том, как мне посчастливилось присоединиться к научной работе по изучению боевых искусств Востока.

С момента включения меня в эту деятельность прошло уже достаточно много времени. Наши исследования продолжаются. Мы ищем ответы на интересующие нас вопросы и вместе с этим у нас возникают все новые и новые темы для обсуждения.

Главная героиня этого произведения – Стелла – дочь обычного человека и иммунологического андроида гуманоидного типа, тоже человека, но с внедренным в ДНК единым информационным ядром, обладает целым набором необычных способностей, и, по сути, является «сверхчеловеком», которого так хотят получить в свое распоряжение чуть ли не все современные армии мира. Однако, несмотря на все свои знания и умения противостоять окружающей их действительности, иммунологические андройды и их потомки оказываются подвержены обычным человеческим эмоциям. Иммуноандройды в контакте с людьми неизбежно «очеловечиваются», становятся способны на самопожертвование ради спасения человечества. Что это? Просчет в научной работе? И можно ли считать «очеловечивание» ошибкой?

Роман-антиутопия «Судороги» является продолжением романа-антиутопии «Суррогат» и частично затрагивает многие обсуждаемые в нем темы, развивая и дополняя их. Роман "Судороги" предлагает читателю задуматься над тем, какое место мы занимаем в этом мире.

*Иван Борисович Комков –
тренер спортивного клуба «Канку» (г. Троицк)
Московской Федерации Кёкусинкай (IFK),
черный пояс, 1-й дан*

Действие первое

Солнце неплохо припекало. Ясный день был в самом разгаре. На небе ни облачка. Казалось, ничто не может нарушить покой и красоты этого дня. Море было спокойным, теплым и сказочно добрым. У подножья скалы, на близлежащем камне, сидел молодой человек.

У подножья скалы, на близлежащем камне, сидел молодой человек.

Казалось, что он только что закончил купаться и теперь отдыхал на берегу. Однако взгляд его был как будто совершенно пустым. С полной отрешенностью он смотрел в морскую даль. Было ощущение, что он хоть и смотрит, но не видит, не видит и не слышит ничего вокруг. Он

будто сам сделался маленьким камнем у подножья огромной скалы. И только прозвучавший рядом знакомый голос вывел его из состояния окаменения:

– Молодой человек! Этак Вы сейчас на солнышке сгорите!

Действие второе

Эндрю Джонс, очень богатый человек, впрочем, корпорация которого разваливалась на глазах, сидел в раздвижном кресле у моря, спокойно взирая на водный простор. Годы брали свое: седые волосы, на носу очки. Сколько бы денег ни было, молодость не вернуть. Он был весь в долгах, но не об этом думал он сейчас. Впервые посетила его мысль о вечности, возможно той, которая ожидала его впереди. Эндрю тяжело вздохнул. «Нет, не в деньгах смысл жизни», думал он. Возможно, он впервые увидел красоту природы. И, между прочим, это было его любимое место, где он мог просто сидеть и думать. Только вот раньше он думал о продвижении корпорации, а вот теперь, на склоне лет, впервые увидел даль синего простора моря. Впервые увидел красоту неба, которая немного пугала своей бесконечностью. Соломенная широкополая шляпа укрывала его от лучей палящего солнца. Эндрю вдруг почувствовал безмятежность этого простора. Волны шли одна за другой, лаская прибрежные камни. Раньше он не особенно обращал на них внимание: камни они и есть камни, что в них такого? А теперь он впервые увидел, что они покрыты растительностью! Он видел тину, колеблющуюся от набегающих волн, и вдруг почувствовал, насколько он низок, в буквальном смысле этого слова, перед этой тиной! Ведь он всю жизнь думал о деньгах, об этой мирской суете, а она! Что ей нужно от этой жизни? Да, собственно, самое малое! Быть омытой морской водой, да и только! Ни заботы, ни печали не ведает! Эндрю шевельнул скулами, снял очки и прищурился от открывшегося света.

Эндрю шевельнул скулами, снял очки и прищурился от открывшегося света.

– Все сидишь, греешься на солнце? – раздался вдруг знакомый голос.
Эндрю обернулся. Это был Рой Смит. Человек в расцвете лет. Белый костюм как никогда шел ему.

– А, это ты Рой? А я вот сижу здесь один, смотрю на природу. Что скажешь? Какие новости?

– Новости... Не очень, я бы сказал.

– Иного я и не ожидал услышать, – произнес Эндрю спокойным голосом. Затем, по привычке, посмотрел на часы. Привычка смотреть на часы означала делового человека, чья жизнь рассчитана по минутам. Но теперь это была только привычка, не более.

– Долго будешь тут сидеть? – спросил Рой Смит.

– Не знаю, дружище, не знаю, – ответил Эндрю. – В чем смысл куда-нибудь идти? Понимаешь, ведь я почти банкрот! Несмотря на то, что богатый человек! Но это, видимо, в прошлом.

– Видать и очень богатые тоже банкротятся? – задал вопрос Рой, настроившись на философский лад.

– Выходит, что так, – ответил Эндрю. – Так что я теперь...

– Бывший, или как это? Аутсайдер! – перебил его Рой.

– Да, – ответил Эндрю, – как бы печально это ни звучало.

– Печально звучит! – немного раздраженно ответил Рой – А все потому, что, как я заметил, ты который день подряд все приходишь сюда! Именно на это место! Вместо того, чтобы вплотную заниматься корпорацией! Тебя сюда как магнитом тянет! Я знаю, это твое любимое место, но раньше было не так. Пришел, посидел и обратно в работу с головой. А сейчас? Что с тобой происходит? Эндрю, очнись!

– Да тебе что за дело до меня? – Эндрю вопросительно смотрел на Роя – Тебе что с того, что я банкрот?

– Да мне просто интересно, что тебя сюда тянет? – ответил Рой.

– Сам не могу понять, – произнес Эндрю. – То ли в самом деле старость приближается, то ли еще что-то.

– Что еще, Эндрю? – Рой смотрел на пожилого друга.

– Ты знаешь, как будто меня кто-то зовет сюда, – Эндрю опять тяжело вздохнул и устался на море. – Я слышу чей-то зов.

– С тобой все в порядке? – насторожился Рой.

– А что со мною может быть не в порядке? – Эндрю взглянул на Роя – Все в норме!

– А ты знаешь, Эндрю, что сумасшедший никогда не признается в том, что он сумасшедший, – Рой строго смотрел на Эндрю.

– Прости! Я этого не знал! – с иронией ответил Эндрю.

– Может пойдём выпьем? – предложил Рой.

– Не откажусь, – произнес Эндрю.

Он встал, сложил креслице и хотел было идти, как вдруг снова начал вглядываться в морскую даль, как будто что-то ища в ней. Рой аккуратно взял его за руку:

– Эндрю, что с тобой?

– Да нет, ничего, – ответил Эндрю, – просто...

– Что просто?

– Не знаю, – ответил Эндрю, – но мне кажется, что меня зовут.

Действие третье

Молодой человек не мог отвести взгляда от красивой девушки, стоящей на вершине скалы и смотрящую в даль моря.

– Ян! – раздался вдруг строгий женский голос. – Это ты на кого там уставился?!

Молодой человек, очарованный красотой девушки, ничего не слышал.

– Ян! Ты что, оглох?! – голос стал более жестким. – Я к тебе обращаюсь!

– Да, мама, слушаю тебя, – опомнившись, Ян посмотрел на мать.

– Ты кого там увидел? – мать строго смотрела на сына.

– Да никого, – Ян потупил глаза.

Мать держала сына буквально в «ежовых рукавицах». Рос он без отца. Двухлетный юноша во сем слушался мать. Но возраст есть возраст. Он несколько испугался, когда с ним случилась во сне первая «авария». Ничего не сказав матери, застирал нижнее белье. По мнению матери, он должен был только учиться и не думать о противоположном поле. Но природу не переспоришь. Однажды мать застала его в одиночестве, рассматривающего фотографии обнаженных женщин с вытекающими отсюда последствиями. Когда он понял, что его застукали, бедный юноша едва не лишился рассудка. Мать выбросила журнал, устроив при этом грандиозный скандал. Некоторое время Ян отходил от этого случая. Но потом начал понимать, что тоталитарный характер матери имеет крайне временный срок, а он, взрослея, прибавляет в силе. И все-таки мать сильно довлела над его еще неокрепшей душой. А она была достаточно еще молодой и красивой женщиной, скорее всего, именно поэтому ревновала сына. А муж попросту ушел от нее. Ее можно было понять, да к тому же она действительно была еще вполне молода. В этом Ян убедился сам, тайно подглядывая за своим «деспотом». Молодой организм его уже начал искать противоположный пол, но все оборачивалось боязнью. Ян чувствовал боязнь не столько к матери, сколько к женщинам, как бы они его ни привлекали. Ян был одинок. Единственной женщиной для него была собственная мать. Во всяком случае, другую женщину не надо было искать, если она была здесь, рядом. А она, в свою очередь, тоже ревновала Яна. Может поэтому и разорвала эротический журнал, дабы не пялился на кого не надо. Однажды увидела Яна, рассматривающего ее нижнее белье. Это переходило все границы допустимого. Однако, с другой стороны, ей было приятно то, что ее мальчик интересуется ею, а не чужими тетками, к тому же на фотографиях. И однако все-таки это не было нормой. Она хотела было, как всегда, закричать на сына. Ян сначала резко покраснел, затем стал бледнеть, и едва не потерял сознание. Тут мать поняла, что криком не помочь. Что ее мальчика уже не остановить на пути к эротике, что он стал взрослым. Она сменила гнев на милость: молча вошла и, вместо крика и ругани, просто погладила его по голове. Ян был в шоке от такого поворота и вдруг зарыдал. Слезы градом потекли из его глаз. Мать прижала его к себе.

– Ну все, ну тихо, ну успокойся, все хорошо, – начала успокаивать она Яна.

– Я больше не буду, – произнес сквозь слезы Ян, держа в руках ее лифчик. В самом деле, как маленький нашкодивший ребенок.

– А что не будешь? – тихо спросила мать.

– Рассматривать это, – он протянул матери ее белье.

– Оно тебе нравится? – мать взглянула на Яна.

Он не знал, что ответить. Он просто всхлипывал как дитя малое, которое застали на месте «преступления», за поеданием конфет или варенья.

Вместо ответа Ян просто кивнул головой.

– Давай положим его на место, – предложила мать.

Ян радостно закивал, дабы не вызвать у матери гнев. Больше он ни разу не прикасался к ее белью. Далее случай этот забылся, и жизнь потекла своим чередом. И вот теперь он отды-

хал на море. Огромное количество полуобнаженных женщин будоражили его воображение. Он любовался ими, как будто впервые видел их. Мать понимала, что теперь не скроешь их прелести от взглядов Яна, и только вздыхала, глядя на него. Но она замечала, что он просто смотрит на них, не привязываясь ни к одной своим сердцем. Это успокаивало ее, и все вроде шло нормально, пока Ян не увидел ту девушку на скале. Мать поняла, что сын влюблен. А как же учеба? Нет, рановато ему еще влюбляться. И мать окликнула его.

– Ян! Кого ты там увидел?

– Да просто девушка, очень красивая, – ответил Ян, переминаясь с ноги на ногу.

– Вон их сколько, этих девочек, – ответила мать. – На всех любуйся. Чего на эту засмотрелся?

– Она красивая, – в голосе Яна появились нежные оттенки.

– Ха! Красивая! – а вот в голосе матери появилось негодование. – Вон их сколько ходит, красавиц твоих! Любуйся на здоровье. Только голову не теряй, потому что еще пригодится. Скоро учеба. А вот там девочки особенные, научные, с перспективой! Вот с ними дружить надо. Может они тут на пляже есть.

– Так она, может быть, тоже ученая, – спросил Ян.

– Как бы не так, – ответила мать. – Она какая-то дикая. Стоит на вершине скалы, да в даль смотрит.

– Ты тоже это заметила? – обрадовался Ян.

– Заметила. И вот что я тебе скажу: не пара она тебе. Тебе еще выучиться надо, а девочки потом. Да и не такие дикие, а ученые должны быть. Повторяю – с перспективой! – ответила мать.

– А как же любовь? – Ян смотрел на мать

– Еще мне раз тут это слово произнеси, – мать как-то грустно посмотрела на Яна.

– Ну как же так! – вознегодовал Ян

– Сначала учеба, – отрезала мать, – А на ком жениться, об этом я сама позабочусь, если надо будет. А сейчас пойдем на пляж, покупаемся, позагораем.

И, сказав это, пошла переодеваться. А Ян снова посмотрел на скалу. Но девушки там уже не оказалось. Ян вздохнул. Учеба была на первом месте, он и сам это прекрасно понимал. Однако, он ждал от жизни прежде всего счастья, а уже потом карьеру. Как быть? Он не смел слушаться мать. Ведь она вся его семья. Но та девушка на скале глубоко запала ему в душу.

Действие четвертое

После того, как Вселенная забрала к себе Лию, Семен, не вынеся горя, заболел. Время шло, но Семен не поправлялся. Анна была всегда рядом. Стэлка была уже большая. На фоне невероятной грамотности была очень скромна, застенчива. Она прекрасно понимала, что все ее способности передались ей от матери, а потому она никогда не хвастала ими. Она любила читать. Она так же понимала, что обладает энергией, которой одарила ее Природа, а потому, она вдвойне ответственна за свои поступки, потому и сторонилась людей. Конечно, она была далеко не Фрези Грант и не Ассоль. Застенчивость проявлялась в другом: она не выносила хвастовства, именно от самой себя. Окружающих она совершенно в этом не осуждала. Ну хвастают люди, ну и ладно. Но к себе в этом отношении всегда была строга. Своей названной матери она помогала ухаживать за больным отцом. Он с трудом передвигался, а потом и совсем слег.

– А говорят, что время лечит, – вздыхала Анна.

– Нет, мама, – ответила Стэлла, – не лечит. Во всяком случае к папе это не относится.

– Здравствуйте, девочки, – это пришел Алексей. – Ну как вы тут? Как Семен?

– Плохо, – ответила Анна. – Сема очень плох.

– Да... – потупил глаза Алексей, – тяжело.

Он часто вспоминал милую компанию во главе с Лией. Во всяком случае, он так себе это представлял. Оставались одни только воспоминания.

– Как молоды мы были, – произнес он, садясь за стол.

– Мы и сейчас молоды, – ответила Анна. – Просто....

Анна замолчала. На глазах у нее выступили слезы.

– Анна, мне можно к Семе? – лицо Алексея было грустным.

– Конечно, – ответила Анна. – Проходи, Леша.

Алексей прошел в комнату. Там, в постели, на белой простыне, укрытый легким одеялом, лежал сильно исхудавший человек. Это был Семен, когда-то крепкий и сильный шофер. Штурвал был теперь не для него. Глядя на Семена, у Алексея ком подошел к горлу. Он знал, что больному и так тяжело, и поэтому, пересилив себя, убрав все горькие эмоции, он подошел к постели.

– Ну, как ты тут? – тихо спросил Алексей.

– А, это ты, Леша, – еле проговорил Семен.

– Я, – ответил Алексей. – Вот пришел к тебе.

– Это хорошо, – вздохнул Семен. – Эх! Водочки бы! Как в те времена.

Семен закашлял, поднеся ко рту полотенце, а когда, прокашлявшись, убрал его ото рта, то на нем остались небольшие пятна крови.

– Вот такие дела, Леша, – проговорил Семен.

– А что врачи? – спросил Алексей.

– А что врачи? – ответил Семен. – Хотели в больницу забрать, чуть не силком, да я не захотел. Анна за меня крепко заступилась, «Не отдам, да и все!» Они вон приказали расписку написать, дескать, чуть что, сами, мол, виноваты будете. Мне приказали дальше двора никуда не выходить. Мол, заразный я. Туберкулез, якобы. А мне куда? Мне бы до уборной только. А щас вообще вон слег. Но врачи приходят. Уколы делают. Ругают, что, мол, таким, как я, место в больнице. А я не желаю. Вот так, Леша.

Семен замолчал.

– А может это зря, Сема? – тихо и аккуратно спросил Алексей.

Он как никто иной знал, что Семену нельзя волноваться. Ибо болезнь и так сильно прогрессировала. – Может они все-таки лучше знают?

– Нет, Леша, – ответил Семен, – не знают. Это во-первых, а во-вторых, зачем мне это? Без Лии мне все равно... – Семен снова закашлял. На полотенце опять упали капли крови. – Ну вот, видишь, – продолжил Семен, убрав полотенце ото рта, – А ты говоришь «врачи». Нет, Леша, не нужны они мне. Тем более что я скоро покину этот мир. Лия меня заждалась, скучает, к себе зовет. Так что я скоро к ней пойду.

– Ну вот, все о смерти думаешь. А собирался водочкой меня угостить, – Алексей с великой скорбью смотрел на Семена, теперь уже не больного, а умирающего.

– А что, Леха! – оживился вдруг Семен, – Давай «хлопнем» по рюмашке! На Том Свете ведь поди и алкоголя нет! Пить-то там некому!

Семен приподнялся на кровати:

– Аня! Аня!

Через секунду вбежала Анна:

– Что, мой дорогой? Что? Плохо?

– Да что вы все ладите «плохо» да «плохо», – голос Семена был слегка раздражен, – А вот ни хрена! Не плохо! Я еще поживу!

Семена бросило в пот. Его залихорадило. Анна обняла его. Алексей не знал, что делать. Семен часто дышал.

– Я еще поживу, поживу, – бормотал он.

– Конечно поживешь, Семушка, – чуть не давясь слезами проговорила Анна.

– Аня, а ну-ка, давай нам водочки! – проговорил Семен, и добавил уже громко. – Да поживее!

Анна взглянула на Алексея. Тот провел рукой себе по лицу и произнес:

– Неси.

Анна вышла за водкой. Семен сидел на кровати:

– Ничего! Ничего! – говорил он. – Мы еще поборемся! Ты же ведь любишь бороться, Леха?

– Ну да, люблю, – поддакнул другу Алексей.

– А ну, давай на руках! – Семена лихорадило. Он весь вспотел.

– А ну, давай на руках! – Семена лихорадило. Он весь вспотел.

– Ну ты тоже скажешь! – не зная, как отвлечь Семена от этих мыслей, ответил Алексей. – Вот поправишься, тогда поборемся. Обязательно.

– А я здоров! Здоров как бык! – Семена слегка раскачивало. Пришла Анна. Поставив водку, она посмотрела на Алексея:

– А ему, наверное, нельзя, – пробормотала она.

– Это кому нельзя?! – раздался резкий голос Семена. – Это мне-то нельзя?! Да я уже здоров! Как вы это не можете понять! Я поправился! Я сейчас за руль пойду! Я по машине соскучился! Вам это ясно? Какого хрена я тут вылеживаю?! Движение – жизнь!

Вдруг он устался в одну точку. В глазах появилось невероятное удивление. Вдруг радостная улыбка озарила его бледное исхудалое лицо:

– Лия! – произнес он. – Это ты?

Семен попробовал встать, но ноги не слушались его.

– Подымите меня! – приказал он. – Вон там Лия! Она ждет меня! Отведите меня к ней!

– Сема! Опомнись! Там никого нет! – чуть не плача проговорила Анна, и поняла, что сказала это зря.

– Это как понимать, что нет?! – произнес сурово Семен, а затем добавил с угрозой в голосе. – Немедленно отведи меня к ней! Если ты не отведешь, позову полицию! Вот Леха поможет! Леха! Где ты?

– Здесь я, Сема! – Алексей помог подняться умирающему.

– Вон! Видишь? У той стены она! Она мне улыбается! – Семен тяжело дышал.

Его повели к «Лие».

– Вот! Вот! – Семен, тяжело передвигая ноги, шел к стене, у которой была «Лия» и протягивал к ней руки.

Подойдя вплотную к стене, он попытался обнять «Лию», но здесь силы совсем оставили его. Ноги, и без того еле передвигающиеся, резко подкосились. Он потерял сознание. Алексей и Анна подхватили его, и не дав упасть, отнесли в постель. Там он ушел в забытие, еле заметно шевеля губами что-то бормоча.

– Ах, Леша! – пробормотала Анна, уткнувшись в его сильную грудь.

Алексей обнял ее. Так, постояв немного у постели больного, они вышли. Алексей понял, что видит своего друга, вероятнее всего, в последний раз.

– Анна, я останусь у тебя, – произнес он. – Помогу.

– Конечно, Леша, – ответила Анна. – Хорошо.

Семен почти не приходил в сознание. Лишь изредка оно проблескивало, да и то на случай попить воды. Он уже не ел. Так прошло пару дней. И вот как-то рано утром, к Семену вернулось сознание. Алексей невероятно обрадовался, но Анна сказала ему:

– Тише, Лешенька, это перед смертью. Такое всегда бывает.

Алексей тут же сник:

– А я-то думал, – произнес он.

Анна обняла его за плечи:

– Ну что поделаешь...

Они вошли к Семену. Тот сидел на постели, свесив ноги на пол.

– А ну, Ань, хочу вместе с Лешкой выпить! Тащи водку!

Анна послушно принесла бутылку. Поставила два стакана.

– А ты? – Семен недоуменно посмотрел на Анну. – За мое здоровье?

– Хорошо, Сема, – послушно ответила Анна и поставила стакан себе.

– Алексей, давай разливай! – скомандовал Семен.

Алексей разлил водку по стаканам. Анна взяла свой стакан. Алексей свой.

– Ну-с, давайте! – и Семен уж было поднес стакан к губам, как в этот момент в комнату вошла Стэлла.

– Стэлла, ты чего? – произнес Семен, отведя стакан от губ.

– Не надо то пить, папа, – произнесла она. – А вот это выпей.

И она протянула отцу глиняную бутылку, горлышко которой было запечатано сургучом.

– Что это? – спросил Семен, взяв бутылку у дочери.

– Вино, – ответила Стэлла. – Виноградное вино.

Семен протянул бутылку Анне:

– А ну, открой.

Анна как-то оживилась. Приняв бутылку из рук Семена, она стала рассматривать ее. Это была старая бутылка. Анна срезала сургуч с горлышка. Стэлла убрала стаканы с водкой с глаз долой. Поставила на стол вместо них красивые фужеры, порезала булку.

– Сама пекла, – призналась она. – Очень вкусно.

Анна стала разливать вино. Невероятный аромат, благоухание разошлось по комнате.

– Ничего себе! – пролепетал Алексей, вдыхая этот аромат.

Пили вино не чокаясь.

– Никогда, никогда не доводилось пить такое вино, – пробормотал Семен, сделав глоток.

– А какое красивое, – произнес Алексей, разглядывая фужер, – Темно-красный рубин!

– Да, – подтвердила Анна, – строгое вино! Красивое, вкусное! А какое неземное благоухание! Стэлла, откуда ты его взяла?

– А как вы думаете? – Стэлла строго смотрела на всех.

Тут страшная догадка молнией пронизала ум Семена:

– Стэлла! Доченька моя! Это вино дала тебе Лия, твоя мама! – Семена аж бросило в жар.

– Да, папа, ты прав! – ответила Стэлла, одарив при этом отца взглядом, провожающим его в последний путь. Путь не в смерть, а в жизнь. И мама ждет тебя!

Действие пятое

Вино подействовало очень благотворно на Семена. Он был умиротворен и спокойно готовился к переходу в Мир Иной. Анна перестала плакать. Она здраво оценивала сложившуюся ситуацию, и, как могла, помогала Семену прожить последние дни его на земле. Через три дня Вселенная призвала его в бесконечность. Он ушел тихо и спокойно. Похоронили его так же тихо, как он и умер. Он был самый обыкновенный, простой человек, которому Судьбою было уготовано познать так много. Мечтал ли он встретить в своей жизни девушку-иммуоандроида? Свою жену. Встретить ту, которая родит ему дочь, ничуть не уступающую способностями матери, а иногда и превосходящую! Всякие помпезности были отменены. Тихо и скромно тело Семена было предано земле, рядом с Лией. Зато, когда его простой гроб опускали в землю, прилетело множество птиц. И вдруг эти малые птахи запели, защебетали на все лады!

– Это они папу провожают, – проговорила Стэлла.

– А как поют, – Анна заслушалась. – А у нас все под оркестры какие-то!

– Да! – подтвердил Алексей. – Красиво и праведно. Может, он уже сейчас с Лией встретился.

– Они встретились, – ответила Стэлла. – Встретились!

Анна прижала дочь к себе. Погладила ее по голове. Постояли еще немного и решили пойти домой.

– Пойдем, доча, – тихо произнесла Анна. – Оставим их в покое. Наедине. Не будем мешать их встрече.

– Вы идите, а я еще немного побуду с ними, – ответила Стэлла.

– Хорошо, – сказала Анна. – Приходи скорее.

Анна и Алексей ушли, оставив Стэлле одну. Стэлла присела на землю перед могилами родителей. Она вдруг почувствовала себя одинокой. Анна была ей вместо матери, но это было при еще живом отце, а что будет теперь? Конечно, Стэлла хорошо помнила, как Анна бесстрашно сражалась за нее, за Стэllu. Но что будет теперь? Она вдруг почувствовала, как между ней и Анной поднимается железобетонная стена. Анне ничто не препятствует выйти за муж. И, кажется, Алексей привязан к ней. Стэлла посмотрела вслед уходящим Анне и Алексею. Они шли рядом, как муж и жена. «Вот теперь все», внезапно подумала Стэлла, «Теперь я должна сама пробивать дорогу в жизнь. Зачем я им нужна? Мои родители – вот здесь. Лежат в могилах. Папа понадеялся на Анну, что она не бросит меня. Может это действительно так, но я не знаю. Может, я эгоистка, не верю людям. Все может быть. Нет, не верю, что Анна будет против меня! Ведь она приняла меня в свои руки, когда я рождалась! Да и я всегда называла ее мамой. Прости меня, Анна, что я засомневалась в тебе. Просто мне сейчас тяжело.»

Стэлла поднялась с земли, утерла слезы и пошла вслед за Анной и Алексеем домой.

Дома Анна подала Алексею и Стэлле тарелку супа из щавеля. Вкусный аромат его разнесся по осиротевшему дому.

– Надо обязательно поесть, – сказала она.

Все налегли на еду. Стэлла черпнула из тарелки раз, черпнула два и вдруг задала вопрос Анне, как говорить, в «лоб»:

– Мама, ты ведь теперь свободна. Папа умер. Ты вполне можешь выйти за муж за кого сама захочешь.

– Не поняла, – Анна была в некотором недоумении. – Ты это о чем?

– А вдруг ты меня бросишь и из дома выгонишь? – Стэлла в упор смотрела на Анну.

При этих словах Стэллы Алексей чуть не поперхнулся картофелиной из супа. Анна как раз, в этот момент, наливая себе добавки, держала тарелку в руках. Ей удалось налить только

один половник, когда руки сами по себе разжались, и тарелка, полетев на стол, разбилась надвое.

– Это еще что такое? – Анна смотрела на Стэллу, опустив руки на колени.

Что до Алексея, то он просто онемел, глядя на Стэллу.

– Доча, ну-ка посмотри на меня, – Анна с тревогой смотрела в глаза Стэлле. – Не хватало мне похорон мужа! Ты что это, девочка моя, говоришь такое? Да что с тобой?!

Анна держала Стэллу за плечи и глядела ей в глаза, затем ладонями охватила лицо Стэллы. Слезы одна за другой покатались по ее щекам. Стэлла, увидев это, поняла, что перед ней мать! Мать, которая никогда не бросит свое дитя! Мать, которая любит ее больше своей жизни!

– Мамочка! Прости меня пожалуйста! – Стэлка разревелась.

Рыдала она навзрыд. Анна прижала ее к своей груди и тоже тихонько плакала. Алексею было уже не до супа, хотя он начал есть его с большим аппетитом.

– Ну, женщины! Ну, ёшкин кот! Ну вы даете! Меня и то проняло! Вместе с Вами сырость развел.

Анна ничего не ответила. Она крепко прижимала дочь к груди до тех пор, пока та не успокоилась. Наконец она разжала объятия. Стэлка, вся мокрая, вспотевшая, но успокоившаяся, вздохнула и принялась за суп. Алексею, глядя на эту картину, ничего не оставалось делать, как налить себе сто граммов «успокоительного». Анна взяла со стола разбитую тарелку и пошла за тряпкой, чтобы вытереть стол. После вот такого обеда все улеглись спать. Алексей захрапел сразу. Вскоре засопела Стэлка. Анна смотрела на них спящих и поняла, что это теперь ее семья, да простит ее Сема.

Жизнь пошла своим чередом. Стэлла уже была под патронажем Алексея. Анна, молодая и красивая, жила как вдова со Стэллой, когда спустя два месяца после похорон мужа, к ней пришел Алексей, на этот раз навсегда. Анна, вздохнув, обняла его.

– Иди, раздевайся, – сказала она ему. – Обед стынет.

После обеда они сидели на диване, как в этот момент вошла Стэлка. Увидев столь приятную идиллию, она подошла к ним и села между ними. Анна обняла Стэллу, а Алексей их обеих.

– Ой! – проговорила Стэлла. – Будет братик или сестричка, баловать буду! Так и знайте!

– Ой ли, моя хорошая! – Анна погладила Стэллу. – А пеленки стирать будешь мне помогать?

– А ты думаешь, что я такой радостью с тобой буду делиться? – Стэлка игриво посмотрела на своих родителей. – Ладно, пойду в сад погуляю. Часа через два приду. А Вам, – Стэлка немного задумалась и вдруг ласково добавила, – Счастливо зачать ребеночка!

Действие шестое

Девять месяцев пролетели как девять дней. В доме Семена, а его так и называли, даже после его смерти, появился новорожденный. Родился мальчик. Стэлка была без ума от этого кричащего, сосущего мамкину грудь, писающего малюсенького создания! Анне только и доставалось, что накормить новорожденного, все остальные заботы отняла у нее Стэлка. Анна, хлопоча по хозяйству, только и наблюдала, как Стэлла нянчит братика.

– Стэлла! Ему спать пора, – говорила Анна.

– Мам! Я что, маленькая? – отзывалась Стэлла. – Знаю! Уложу сейчас!

– Да ему перед сном покушать надо, – не унималась Анна.

– Да знаю я, несу! – снова отзывалась Стэлла, неся братишку на руках, – Мы сейчас «ам-ам» делать будем! Вот мы какие холесинькие! А кто кушать хочет? Мы хотим!

– Стэлл! Ты чего рассюсюкалась с ним? Давай его сюда! – Анна готовила грудь.

– А вот и мы! Держи, мама! Сейчас будем кушать! – Стэлла подкладывала под грудь матери братика.

Аппетиты были у него хорошие. Пока он наслаждался маминым молоком, Стэлла уже стирала грязные пеленки, готовила сухие, чистые. В общем, была уже вполне сама готова к материнству, как внезапно почувствовала в себе некоторые легкие, как дуновение ветерка, изменения. Ее стало слегка тянуть к морю.

А братику вскоре дали имя. Алексей предложил назвать его Семеном, в честь Семена, в конце концов, хозяина этого дома. Но Анна была против.

– Нет, не будем тревожить покой усопших, – говорила она, – каким-нибудь другим именем назовем.

– В общем, верно, – согласился Алексей. – А как назовем? Какое-нибудь особое имя может дадим.

– О, нет! – возразила Анна. – Хватит с нас особых имен! Хватит иммуноандроидов! Стэлл, может ты подскажешь?

– А почему бы и не подсказать? Подскажу! – ответила Стэлла – Самое простое имя. – Степан! Степка! Степочка! Вот и все дела!

Анна и Алексей переглянулись. И в самом деле просто! Ай-да Стэлка! Ай-да умница! Не даром, что дочь иммуноандроида и простого человека.

Степка рос как самый обыкновенный ребенок. Общая радость их семьи. Стэлла души в нем не чаяла. Игралась с ним, купала, протирала, ну и так далее! Изучила братишку вдоль и поперек! Любую «блябчкуну» находила на его нежной кожице. А тут еще произошел с ними случай.

Как-то раз, как и обычно, Стэлла принесла Степку на кормление. Анна дала малышу грудь. Степка потянул раз, два и вдруг выплюнул сосок и заплакал.

– Что такое? – испугалась Анна, и вновь дала ему грудь.

Произошло то же самое! Голодный ребенок отказывался от груди. Стэлка занервничала.

– Степочка, миленький, что с тобой? – Стэлка, взяв его с маминых колен, стала успокаивать. Понемногу Степка успокоился, и Анна вновь приложила его к груди. Опять два потягивания молока и снова Степка выплевывает сосок изо рта. И снова слезы. Анна испугалась.

– Что такое? В чем дело?

– А ну погоди, мама, – произнесла Стэлла и, сама взяв в рот материнский сосок, потянула из него молоко.

– Что случилось, дочь? – спросила ничего не понимающая в происходящем Анна.

– Так! – проговорила Стэлла, подержав на языке молоко и проглотив его. – Все ясно!

– Что ясно? – в голосе Анны была тревога.

- Ты случайно не беременна второй раз? – Стэлла смотрела на мать.
- А что такое? Что значит «второй раз»? – Анна была несколько ошарашена. Да, она уже как два месяца жила с Алексеем. И вот результат!
- А то и значит, – проговорила Стэлла, – что теперь нужно срочно искать кормилицу!
- Это как понимать? – всплеснула руками Анна.
- А так, моя милая и хорошая! – теперь Стэлла развела руками. – Молоко-то теперь для кормления не годится!
- Это почему же так? – в голосе Анны появились нотки отчаяния.
- Да потому, что оно у тебя горькое! – ответила Стэлла. – Вот почему! Надо было видеть Анну! Ой и запричитала же она! В этот момент как раз вошел Алексей.
- Это что такое? – с порога выпалил он, увидев слезы жены.
- Ой, Лешенька! – заголосила Анна. – Теперь Степку кормить нечем!
- Что значит «теперь» и что значит «нечем»? – вновь заголосил Алексей.
- Мама опять беременна, – пояснила Стэлла. – Молоко сильно загорчило. Тут и Алексей взялся руками за голову. Ох, чего наделали! Степке еще питаться и питаться, а тут вон оно чего! Что делать-то? Оба родителя были в шоке.
- Леша, срочно кормилица нужна! – голос Анны трепетал.
- Да где же я ее возьму? – с раздражением в голосе отвечал Алексей.
- Леша! А что делать то? Наделали мы с тобой беду! – голосила Анна.
- За стенаниями обеих родителей наблюдала Стэлла. Она сама не знала, что делать. Бежать, искать кормилицу, а где? Степка голодный орет. Что делать? Вдруг у нее в голове проскочила мысль: «Но ведь она же девушка! Ведь у нее есть грудь, конечно, не такая как у мамы, меньше, но ведь грудь! А что, если попробовать приложить Степку к себе? Ох! С какой нежностью я кормила бы его! Единственное – это девственность. Не будет ли это помехой? Но, во всяком случае, попробовать можно!»
- Мам! Ну-ка! Дай его сюда! – Стэлла подошла к матери и взяла на руки кричащего от голода братика.
- Стэлла, ты что хочешь делать? – сквозь слезы спросила Анна.
- Буду пробовать кормить, – ответила Стэлла.
- Ты это серьезно? – всхлипнула Анна.
- Вполне! – ответила Стэлла.
- Взяв братика на руки, она ушла с ним в свою комнату и заперлась. Сняв с себя платье и бюстгалтер, она приложила братика к соску. Девственные груди ее были не большие, зато упругие. Как ни странно, но братик начал сосать, и хотя молоко не шло, он сосал и сосал грудь сестры. Кричащее доселе создание теперь упорно «работало», добиваясь пропитания. Стэлла гладила братика, приговаривая:
- Давай, миленький, давай. Может пойдет. Я хочу, чтобы пошло. Я тебя очень люблю. Давай, старайся!
- То ли старания Степки были велики, то ли желание Стэлки накормить братика, но она вдруг почуяла ощущение, более похожее на щекотание внутри груди. Оно вызывало некое сладострастие. Ей захотелось сильнее прижать братика к себе, впрочем, что она и сделала. Сладострастная щекотка была все сильнее и вдруг растеклась по всему ее организму. Стэлла даже слегка вспотела. «Теперь только я буду его кормить», подумала она. И как только она подумала про это, вдруг почувствовала, как внутри груди как будто течет жидкость. Это пошло долгожданное молоко!
- Анна и Алексей ждали дочь, буквально не шевелясь. Там, за дверью, была вся надежда на чудо. Когда Стэлла вошла к себе, неся на руках кричащее от голода сокровище, родители места себе не находили. Они до тех пор все еще слышали голос Степки, пока он не замолчал.
- Слушай, Леша, а Степка-то молчит, – еле дыша произнесла Анна.

- А ну тише! – Алексей прислушался. – Точно молчит!
- Это как понимать? – Анна продолжала прислушиваться.
- Не знаю, – пожал плечами Алексей. – Надо подождать.

А в это время Стэлла с волнением принимала на себя роль матери. Наконец она вышла к родителям со счастливым и одновременно серьезным видом. Протянула маме накормленного малыша. Тот уже спал. Анна даже потеряла дар речи от изумления. Приняв Степку, она уложила его в кроватку и только после этого, немного придя в себя, спросила:

- Дочка, это как же?
- Все нормально, мама, – ответила Стэлла. – Мой братик накормлен. Все хорошо.
- Стэлла! – мать обняла дочь.

Алексей погладил Стэллу по голове.

– Не зря, что дочь иммуноандроида! – проговорил он. – А ты, Анна, говорила, что они нам не нужны!

– Я так не говорила, – оправдываясь проговорила Анна. – Я сказала, что, типа, хватит с нас их! А это совсем другое!

- Да тише вы, – встряла в разговор родителей Стэлла. – Тише, Степку разбудите.

Анна и Алексей переглянулись. А что?! Собственно говоря, она права! Теперь она кормит братика как самая настоящая мама. Благо и молока было вдоволь. Родителям ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться. Они тихонько вышли из комнаты. За ними вышла и Стэлла. Так потекли дни. На Стэллу теперь легла приятная нагрузка – кормление грудным молоком братика.

Действие седьмое

Степка рос крепеньким и здоровым малышом. Как-то, правда, заболев, перенес высокую температуру. Анна, Стэлла и Алексей помнили об уроках Лии. Они прекрасно понимали, что идет самое настоящее становление иммунитета и сбивать температуру просто преступление перед организмом ребенка. Да, впрочем, и поболел-то он полдня! Утром поднялась, а к вечеру спала. Как и полагается у всех нормальных здоровых детей.

– Главное здесь, – говорила Стэлла, – чтобы не было сумасшедших родителей, которые начинают тут же устраивать «хороводы» по поводу каждого «чиха» или каждой «сопли» своего дитяти. Чуть что, сразу вирусы, вирусы! Сами-то они кто в таком случае? В отличии от них, у вирусов и то мозгов больше.

Анна и Алексей только молчали. Они прекрасно понимали, что Стэлла права.

– Судороги от температуры, – продолжала она с видом деловой мамы – начинаются только у тех детей, которых родители до этого довели. Вернее, довели до такого состояния, постоянно «леча» их от простуд всякой дрянью. То капельки в нос, то горлополоскание! Вот и добиваются соответствующего результата! Ну им может и простительно, они ведь сумасшедшие.

Стэлла пожала плечами.

– А медики? – спросила Анна.

– А что медики? – ответила Стэлла – Они-то тут при чем? Они делают свое дело. То, чему их научили. Вот и все!

– Значит, в здоровье они не разбираются! – констатировал Алексей, глядя на лежавшего с температурой малыша.

– Упаси тебя, Вселенная! – ответила Стэлла. – Конечно нет! Еще Лия об этом всегда говорила. Да, спасти жизнь они, в принципе, могут благодаря новым технологиям, но вот узнать причину так называемой «болезни», то есть, где сокрыта ее первопричина, увы! Не их профиль! Вот и залечивают антибиотиками до судорог! И сердце после них уже не работает так, как должно! Вот так!

– Значит, он здоров, – произнесла Анна, тоже поглядывая на малыша.

– Как бык! – ответила Стэлла. – Вернее, как маленький теленок. Сладенький и маленький. К вечеру, как температура сойдет, покормлю его.

– А прикормы какие будешь использовать? – спросил Алексей.

– Да уж точно не йогуртами кормить буду, – ответила Стэлла. – Мало разве здоровой пищи? А всякой навороченной гадости ему не надо.

Так шли дни. Стэлла сделалась настоящей мамой. Степке исполнилось уже полтора года, когда в семье прибавилось. Анна родила девочку. К тому времени Степка сам отошел от груди. Стэлла только вздыхала.

– Да, – говорила она, – растут детки.

Анна тоже нет-нет, да пускала слезу. Она прекрасно понимала чувства дочери. Грудь Стэллы после кормления слегка обвисли. Но это обстоятельство нисколько не смущало Стэллу. Ведь она самая настоящая мама! А нынешняя форма груди только свидетельствует о том.

Как только братик отошел от груди, Стэллу вновь охватило неосознанное чувство. Ее влекло к морю. Странно это было. Она вспомнила, что когда-то это чувство уже преследовало ее, но только в тихой форме, а тут оно заметно усилилось. Стэлла не понимала, что происходит. Ходила по саду, держа на руках Степку, помогала матери, уже не как мать, а как дочь. Она отчетливо ощущала зов моря! И вот однажды она увидела сон.

Огромная скала величественно тянула свою вершину к небу. У ее подножья разбивались о прибрежные камни волны. Морской простор охватывал, как казалось, всю Вселенную. И

лишь линия терминатора указывала на переход моря в небо. На вершине этой скалы она увидела прекрасную девушку, смотрящую в даль.

На вершине этой скалы она увидела прекрасную девушку, смотрящую в даль.

Оде́та она была в облегающее легкое, сильно укороченное платье желтого цвета, несколько напоминающее спортивную форму. Стройные бедра ее охватывал широкий кожаный ремень с ножнами с боку. В ножнах был клинок. Стэлла стала пристально всматриваться в эту стройную фигуру девушки. Та вдруг оглянулась и посмотрела на Стэllu. Стэлла узнала в этой девушке саму себя. А девушка, одарив ее легкой улыбкой, произнесла:

– Скоро ты будешь здесь!

Стэлла очнулась ото сна. Села на постель. Было утро. Она подошла к зеркалу и, сняв с себя ночное платье, взглянула на себя обнаженную. Стэлла глазам не поверила. Ее груди были как прежде, только сделались красивее. Соски чуть ли не торчали кверху, а сами груди как будто стали больше. Вселенная, в знак благодарности за выкормленного ею малыша, не только вернула ей былую красоту, но и одарила еще большей. Стэлла улыбнулась и стала одеваться. Хотела одеть бюстгалтер, но оставила его. Оде́ла спортивную форму. После умывания уселась за стол. Ма́ть накрывала завтрак. Стэлла хитро посмотрела на нее.

– Ох, доченька, – произнесла мать, – придется тебе поневоле, хочешь того или нет, а бюстгалтеры носить теперь постоянно. Они хоть груди поддерживают. А то совсем они у тебя обвиснут.

Потом, взглянув на дочь, добавила:

– Ну вот и молодец, что его оде́ла.

– А я без него, – ответила Стэлла.

– То есть как «без него», – оторопела Анна, – А как же это...?

И она указала на приподнятые груди Стэллы.

– А вот так, мама, – ответила Стэлла.

И пока не было в семейном кругу отца, она подняла майку. Анна была в шоке.

– Ничего себе! – всплеснула она руками. – Вот это да!

– Вот такие дела, мама! – а потом добавила. – Скоро меня рядом не будет. Я должна буду уехать.

Это стало для Анны шоком.

– Что значит «уедешь»? Куда? Ты чего надумала?

– Это значит, что скоро, мамочка, – ответила Стэлла. – Но знай, что я тебя очень люблю.

Действие восьмое

Естественно, что Анна, не то, что собираться, а даже думать Стэлле запретила о поездке.
– А! Чего надумала! А меня на кого бросишь? – предела возмущения Анне не было конца.

Стэлла вспомнила, как когда-то сама думала о том же, и очень сожалела. И вот Анна говорила ей то же самое: «Бросишь».

– Ах, мама моя милая! Мамочка моя хорошая! – Стэлла сидела в ногах матери. – Если бы ты знала, как я люблю тебя!

При этих словах Анна убежала к себе, чтобы в одиночестве поплакать. Стэлла продолжала сидеть на полу. Она понимала чувства матери, сильно жалела ее, но идти наперекор воле Вселенной она не могла. Она слышала всхлипы матери, как она плачет, и сердце ее разрывалось на части. Наконец она решила, что если на то будет воля Вселенной, то она сама успокоит, утешит ее. А она, Стэлла, пока останется дома! А прибывший с работы Алексей, когда узнал все, распорядился именно так, как решила Стэлла. Мать понемногу успокаивалась, думала, что обойдется, однако все вышло не так. Через некоторое время Стэлла почувствовала некоторое недомогание.

– Может ты простудилась? – беспокоилась мать, глядя на дочь.

– Да ну что ты, мама! – говорила Стэлла. – Нет, конечно.

Анне легче было бы бороться с простудой, чем с волей Вселенной. Потому и спрашивала дочь, хоть в малой надежде на снисхождении Великого Промысла, но все тщетно. Прошло чуть более недели, а Стэлле становилось все хуже и хуже. Наконец, видя такое дело, Анна смирилась.

– Что же, дочка, – сказала она однажды вечером, подходя к ее постели, – раз такое дело, хорошо, поезжай. Только не забывай свою маму.

Анна вновь расплакалась и присела на кровать, где лежала дочь. Стэлла обняла маму:

– Миленькая ты моя! Мамочка моя! Прости меня, дуру, за все, что плохое я сделала! Прости! – тут разревелась Стэлла.

– За что? – Анна подняла на нее заплаканные глаза.

– За то, что тогда, ну ты помнишь... Я боялась, что ты... – дальше Стэлла не могла говорить.

Она разрыдалась, уткнувшись в грудь матери. Анна гладила ее по голове. А потом вдруг сказала дочери:

– Да ну ведь не хороним друг друга, в конце-то концов! Во, наревелись, значит, обе кумушки!

Стэлка посмотрела на мать, всхлипнула и вдруг рассмеялась.

Мать тоже уже с улыбкой посмотрела на дочь:

– Навещать-то будешь?

Стэлла крепко обняла мать.

– Конечно!

Анна поняла, что дочь стала взрослой и покидает родное «гнездо».

Тут с работы пришел Алексей. Стэлла подошла к нему. Он обнял ее. На глазах у него блеснула легкая слезинка. Но он пересилил себя, ведь мужчины не плачут. Но Стэлла прекрасно понимала его чувства, ведь он стал ей почти как отец. Она поцеловала его в щеку, а затем сказала:

– Прикрой глаза.

Отец прикрыл глаза веками. Дочь нежно поцеловала эти родные до боли в сердце, веки и приняла в свои уста прозрачную, соленую влагу. А затем произнесла:

– Я приеду, вот увидишь!

– Приезжай, – ответил отец. – Ох, доченька моя! Вот ты и стала большой. Когда сборы?

– Когда она поправится, – ответила Анна.

– Да она уже на ногах, – заметил Алексей.

– Ох, да, – вновь всхлипнула Анна.

– Да ну ладно тебе, – отец стал серьезным. – Что ты, в самом деле? Дочь теперь взрослая, все хорошо. Скоро может внуки будут. Вот тогда порадуемся!

– Ох ты! Мечтатель хренов! – Анна вышла из комнаты собирать в дорогу Стэллу.

Стэлле действительно становилось лучше. У Алексея были небольшие, но связи. Он понял, где Стэлле будет легче всего жить возле моря, и навел справки. Стэлла уже предполагала, как будет зарабатывать на жизнь. Она хорошо рисовала. Вообще, обладала многими незаурядными способностями. С помощью друзей по работе Алексей присмотрел ей небольшой домик. А его жильцы оказались весьма добрыми, но одинокими людьми. Это были пожилые люди, за которыми со временем мог потребоваться уход, так как от родственников их не было ни слуху, ни духу. Этот домик стоял на окраине, и фактически был никому не нужен. После смерти жильцов его могли или забыть, или попросту снести. Вот в этот домик у моря и захотел поселить Алексей свою дочь Стэллу. И вот все было готово к отъезду Стэллы. Степка, чувствуя разлуку с сестрой, дул губёнки, наконец просто расплакался. Стэлла взяла его на руки. Степка прижался к ней. Стэлла поцеловала его:

– Надо, Степушка, понимаешь, надо мне ехать, – Стэлка прижимала его к сердцу.

– Ладно, дочка, – проговорила Анна, беря Степу из рук Стэллы, – Ехать, так ехать.

В этот момент пришел Алексей. В руках у него был небольшой сверток. Взглянув на дочь, он начал не спеша его разворачивать. Внутри свертка оказались стальные ножны, в которых был спрятан клинок. Алексей протянул его дочери:

– Возьми, Стэлла! Пригодится. Все законно. Сталь крепкая и острая. Конечно, не приведи Вселенная, но уж на всякий пожарный. Ты все-таки моя дочь! Будь достойной отца! Не посрами честь свою и этого клинка.

Стэлла приняла с содроганием сердца дорогой подарок и извлекла клинок из ножен. Он буквально горел на Солнце! Стэлла поцеловала его, преклонив перед отцом колени. Затем вновь вложила клинок в ножны. А отец протянул ей ремень для ношения этого клинка. Стэлла тут же надела его. Ремень лег ей на бедра. Наконец клинок в ножнах был на законном его месте – на бедре Стэллы. А она вспомнила, что именно его видела в сонном видении.

– Красавица! – молвил отец, глядя на дочь.

Мать только вздохнула. Стэлла еще раз поцеловала братика и отдала его матери. Затем, выпрямившись, почувствовала прилив сил, Сил, которые звали ее за собой! Теперь Стэлла превратилась в красивую и сильную девушку, идущую за зовом Истины! Она вздохнула полной грудью и сказала:

– Я готова, отец! Счастливо, мама! Я уверена, мы еще увидимся. А теперь я иду, иду туда, куда зовет меня Вселенная!

Действие девятое

Стелла прибыла на рейс самолета. Отец, провожая ее, еще раз поцеловал ее, и Стелла направилась в салон самолета. Усевшись поудобнее в кресло, она вся была в ожидании полета. Наконец самолет поехал на линию взлета. У Стэллы заколотилось сердце, когда самолет встал на стартовую позицию. И вот заревели двигатели. Самолет начал разгон. Стелла с содроганием сердца смотрела в иллюминатор. Самолет развивал скорость, и эта скорость вызывала неподдельный восторг у Стэллы. И вот – отрыв от земли! О, Вселенная! Какая это красота! Самолет набирал высоту! Там, внизу, оставались постройки, мирская суета, и еще море всякой всячины и чепухи. Стелла летела в самолете! А самолет поднимался все выше и выше к облакам. И вот они, облака! Хоть руку протяни и потрогай. Но самолет поднимался выше! К небу! Теперь и облака оказались далеко внизу. Стелла мысленно помахала им ладонью. Она летела к морю! Она чувствовала, как море звало ее к себе. И вот она, подчинившись этому зову, теперь летела к нему.

А дома Анна уже всю нянчила дочь. Степка скучал по Стэлле. Маленький, а понимал! Анна как могла отвлекала его от скуки. Наконец малыш понемногу начал приходить в себя. Да и Алексей, как мог, тоже помогал в этом. Все шло своим чередом. Теперь Анна готовила уже два пузырька с манкой, ибо Степка ну никак не хотел «отставать» от младшей сестренки, а тем более старшей. Он хотел поскорее вырасти и отправится к Стэлле! Он всегда старался выпить всю манную кашу, пальчиком измеряя деления на бутылке. Задачей поставил единственную цель – быстрее стать большим, быстрее вырасти! Однажды, после очередной бутылочки каши, он заметил, что Анна, застилая ему постель, под простыню кладет клеенку! И это ему, который изо всех сил старается стать большим! Ну и закатил тогда Степка истерику. Заревел так, что Анну перепугал.

– Степа! Ты что? – тут же подскочила она к ревущему Степке. – Ты что, милый?

Степка ревел, размазывая пальцами кашу по пухлым щекам. Анна понять ничего не могла.

– Да ты чего, Степа?

А Степка, ревя, показывал на постель.

– Баюшки не хочешь? – спросила Анна.

Степка продолжая реветь, тянулся к постели. Анна, взяв за обе ручки перемазанного кашей и соплями Степку, подвела его туда, куда он тянулся. Степка вцепился обеими руками в ненавистную клеенку и сорвал ее со своей кровати. Взглянув на мать, только теперь успокоился. Тут до Анны все дошло!

– Растем значит, Степка! – проговорила она, утирая его. – А скажи-ка ты мне, пожалуйста, Степан Алексеевич, что мы с тобой делать будем тогда, когда диван насквозь продуем? А, Степан Алексеевич?

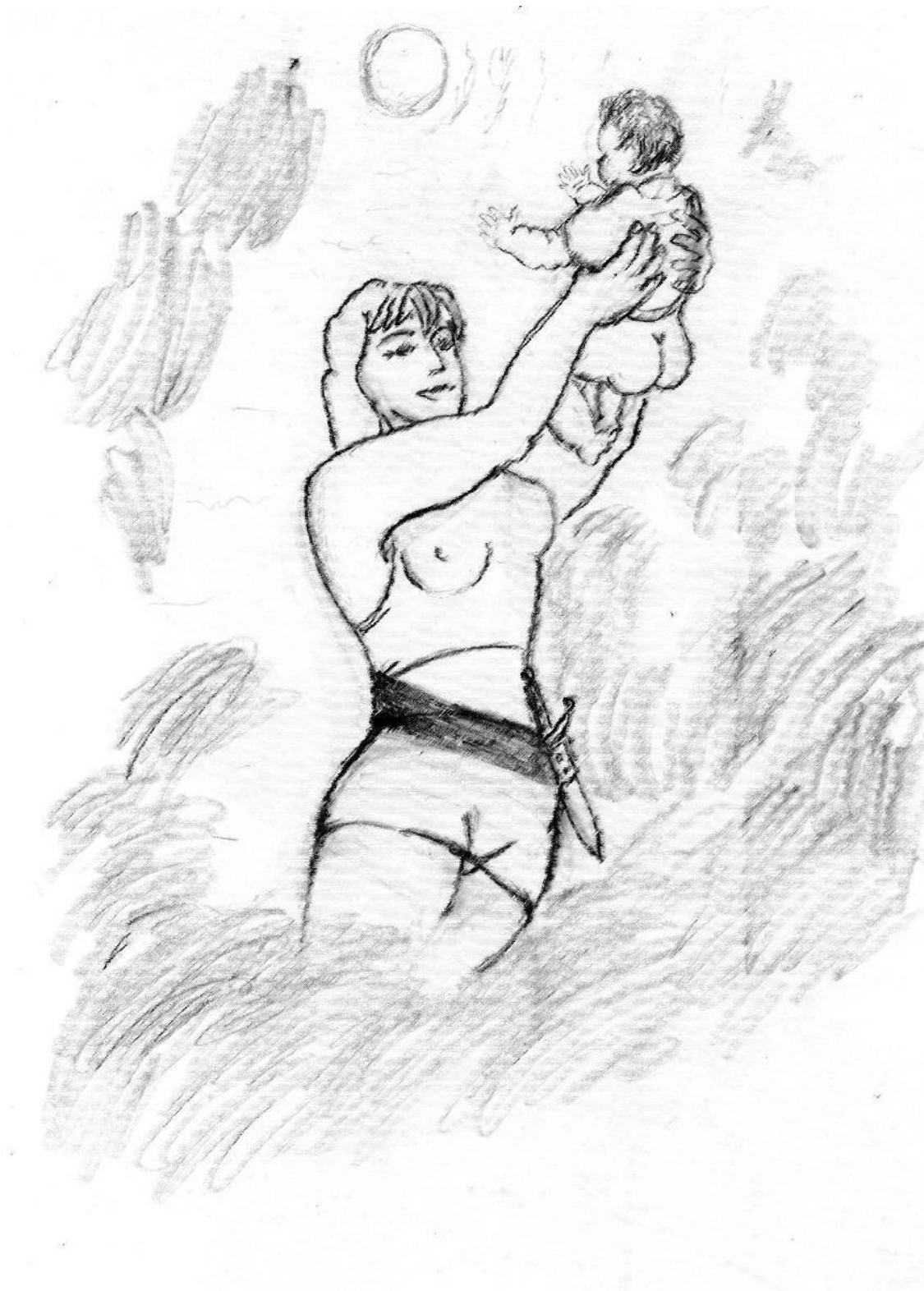
Степка молча надул губы.

– Вот сейчас ты в губы дуешь, а как спать, так в диван, так что ли? – Анна серьезно смотрела на Степку.

Степка отрицательно помотал головой. Не надую, мол. Я уже большой!

Как тут быть? Анна уложила нареветшегося Степку в постель без клеенки. Удовлетворенный тем, что его посчитали большим, Степка сразу заснул. Только после этого Анна аккуратно подстелила под него клеенку. И не зря! Через некоторое время, простынь была уже мок-

рая. Манная каша сыграла свою роль для растущего организма. А Степке снилась Стэлла. И не как-нибудь, не где-нибудь, а в облаках! Как она подхватила его на свои руки, и они полетели вдвоем над планетой!

А Степке снилась Стэлла. И не как-нибудь, не где-нибудь, а в облаках! Как она подхватила его на свои руки, и они полетели вдвоем над планетой!

Действие десятое

Домик, куда поселилась Стэлла, действительно стоял на отшибе от всех окрестных домов. К тому же он выглядел достаточно бедно. Такая же бедная обстановка была и внутри. Но Стэлле никогда не нравилась излишняя напыщенность. Она была весьма рада вот такому тихому углу. Жители этого дома были предупреждены о новом постояльце. Это были действительно весьма и весьма добрые пожилые люди. Стэлле они приняли со всей своей добротой. Они сразу объявили ее своей внучкой. Стэлла называла их не иначе как дедушкой и бабушкой. Бабушка Серафима прекрасно готовила. Причем самую обычную пищу, но до того вкусно, что Стэлла готова была даже «пальчики облизать». Дед Антон рыбачил, ухаживал за огородом. Стэлле предстояло найти работу. Впрочем, искать долго не пришлось. Работа нашлась достаточно быстро. Стэлла рисовала, готовила эскизы. Жизнь закипела. Впоследствии Стэлла так увлеклась работой, что даже забыла о том, а зачем, собственно, она сюда приехала. Но однажды Высшие Силы напомнили ей об этом.

И вот, вдали от забот, отдыхая после работы, Стэлла вышла посмотреть окрестности. Ее внимание привлекла высокая величественная скала, возвышающаяся прямо над морем. Стэлле прямо-таки потянуло на ее вершину. Преодолевая препятствия, Стэлла оказалась на самой ее высокой точке. Тут она остановилась и огляделась. Никого рядом! Да и не могло быть на такой головокружительной высоте. Тогда, извлекши клинок из ножен, раскинув руки, она закричала:

– Я здесь! Я пришла! Я пришла на твой зов! Вселенная!

В этот момент, из вершины скалы, как раз там, где стояла Стэлла, взметнулась молния, на секунду ослепив все вокруг. Она пронизала клинок Стэллы и ушла в небо. Грозный раскат грома прокатился по скале и растворился в пространстве. Клинок в руках Стэллы стал как будто ярче и острее. Стэлла поняла, что Вселенная услышала ее. Вложив клинок в ножны, она с изумлением увидела, что облачена в другую одежду. Это была облегающая, очень короткая юбка желтого цвета и такая же короткая майка. Они не стесняли движений. Что-то заставило Стэлле оглянуться. Тут, она увидела в воздушном эфире как бы себя, со стороны. Это было легкое полупрозрачное видение, Стэлла, только та, которая была тогда спящая. Все стало на свое место.

– Ну вот, Стэлла, – произнесла она самой себе, – твой сон стал явью.

Призрачная Стэлла улыбнулась в ответ и медленно растаяла в небесном эфире. Что еще можно увидеть в воздушном пространстве, стоя на вершине колоссальной скалы? Величие ли природы? А может что-то большее? Стэлла, постояв еще немного, стала спускаться обратно. Находясь уже неподалеку от дома, она заметила небольшой пригорок, а под ним, на глубине метров двух, не более, то, что заставило ее слегка улыбнуться.

– Придет время, – проговорила Стэлла, глядя на «это», – и ты мне понадобишься!

Ее слова не прошли даром. Это «нечто» пригодилось ей в этот же день. Стэлла приближаясь к дому, даже не знала, что там, пока она отсутствовала, разыгралась самая настоящая трагедия. И неизвестно чем бы она закончилась, если бы не Стэлла.

Дед Антон копался в огороде, когда туда внезапно буквально вломились хулиганы. Выпив лишнее, трое молодчиков решили закусить. Зачем платить, когда есть бесплатно, стоит заглянуть в огород! Так они и поступили. Дед, увидев такое беззаконие, конечно закричал. Но он просчитался.

– Это кто там на нас пургу гонит? – высказался первый.

– Да вон тот... Старый сморчок! – отозвался второй.

– Жадный, видать, – добавил третий.

Все трое «богатырей» двинулись на деда. В это время вышла испуганная баба Серафима с ухватом:

– Я вам сейчас вот! Фулюганы! – закричала она.

Что говорить, смелая женщина! Только вот одной смелости тут, увы, недостаточно! Первый подошел к бабе Серафиме и все-таки получил ухватом по обнаглевшей физиономии! Упал, ухватился рукой за рожу.

– Ах ты, карга старая! – процедил сквозь зубы подонок.

А баба Серафима, уже держала ухват на изготовке! Почти как ружье! Не даром в войну партизанила! Первый, получив такой неожиданный отпор, несколько ретировался! Негодяй испугался бабушку! Второй зашел сзади, но вовремя получил черенком лопаты от деда промеж лопаток! Все-таки тоже бывший партизан! Но это разозлило подонок. Третий и второй кинулись на деда. Первый ударил по лицу Серафиму. Здесь ухват уже не «сработал». И вот в этот момент и вошла Стэлла! Она даже не поверила, что такое возможно!

– Стоять, гниды! – крикнула она.

Негодяи остановились и несколько секунд тупо смотрели на нее.

– Внученька! Беги, милая! – зарыдала Серафима.

– Беги! Беги! – закричал дед Антон.

Они были до того шокированы происходящим, что даже не придали значения тому, в каком наряде предстала перед хулиганами Стэлла. Им было сейчас не до того. Они страшно испугались за свою внучку.

– А вот это подарочек! – произнес первый, который ударил Серафиму – А ну! Иди сюда по-хорошему! Иди к «папочке»! Если не пойдешь, «папочка» а-та-та тебе сделает за непослушание!

Если бы знал этот негодяй с Кем связывается! Стэлле поначалу даже стало немного смешно, глядя на этих ублюдков. Но, взглянув на Серафиму, которая прикрывала глаз ладонью, и тихонько постанывала, смех ее превратился в ярость!

Стэлла окинула презрительным взглядом всех троих и произнесла:

– Ну что, негодяи, убить бы всех троих! А ты! – указала она первому – Ударил старушку! Ах ты, дрянь!

Первый, потеряв всякое бесстыдство, начал подходить к Стэлле, нагло улыбаясь и на ходу расстегивая ширинку. Страшный удар в пах не то чтобы остановил его! Вовсе нет! Его брюки с треском разошлись по шву! Стэлла нанесла удар специально по кистям его рук. Короче, все его никчемное «хозяйство», она ему на смерть не отбила, а вот кисти рук сломала. Долго теперь он будет пользоваться услугами других, в том числе в биде!

Второй захотел покончить со Стэлкой сразу. Он кинулся на нее, однако Стэлла остановила его нападение боковым ударом ногой системы каратэ. Подонок получил сильнейший удар в грудную клетку. Стэлла завершила с ним бой ударом ноги «вертушкой» из системы кикбоксинга. Хорошо еще, что этот удар пришелся ему по челюсти. Подонок просто рухнул к ногам Стэлки.

А вот третий выхватил нож! Его буквально взбесило, что их победила девушка.

– Порежу на куски! – шипел он.

– Попробуй! – произнесла с оттенком издевки Стэлла.

Делая вид, что боится, она выбежала из огорода и... направилась к заветному пригорку, по пути подтрунивая над сволочью с ножом. А тот всюду пытался ее поймать. Стэлла манила его и манила, а вот наконец и он! Да это был тот самый бугорок! Здесь Стэлла перестала играть с противником. Она просто выбила нож из его рук. Затем дважды нанесла удары по его физиономии и... стащив с него брюки вместе с трусами, столкнула его с пригорка! Нет! Это надо было знать, что задумала Стэлла! Зачем ей нужен был этот пригорок! В конце концов, что за нечто было под ним! Да в общем то ничего особенного, если разобраться. В общем под этим пригорком, всего-навсего рос обыкновенный кактус. Правда не совсем обыкновенный! Это

была всем известная опунция! Только очень большая! Короче, добротный кактус. Вот в него-то и посадила Стэлла этого негодяя! Мельчайшие иголки, миллионным роем впились в подонка.

– Вот теперь ты у нас стал миллионером! – презрительно произнесла Стэлла, глядя на этот «навоз» в опунции. – Теперь эти миллионы тебе до Нового Года из задницы выскрести!

Действие одиннадцатое

Конечно, о случившемся стало известно. Одному, действительно пришлось пользоваться услугами других, так как обе кисти были попросту перебиты, другому еле поставили на место челюсть, а что до третьего, то врачи думали, что их почки просто лопнут от смеха. Они вынуждены были еле-еле сдерживать свои эмоции. А некоторым приходилось очень часто протирать свои «вспотевшие» из-за этого очки. Этот третий ничем не мог прикрыть позорное место. Так он и лежал на кушетке, на животе, выставив его перед всеми. Что до бабы Серафимы и деда Антония, то они были возмущены тем, что пришлось им, бывшим партизанам, столкнуться на старости лет с такими подонками. А вот Стэллу они не просто благодарили, теперь они «надышаться» на нее не могли. Естественно, полиция оставила Стэллу в покое. Теперь она сидела за столом, пила горячий чай и лакомялась прекрасным праздничным пирогом!

– Это в честь победы над этими супостатами! – говорил дед Антон.

– А здорово ты их! – не могла нарадоваться баба Серафима. – Какая ты умница!

– И как ты так сумела? – радовался дед. – Я вон партизанил! И то так не умею!

– Ох! Дед, дед! – говорила Серафима, с улыбкой глядя как Стэлла уминает пирог – Как я того, да ухватом! Тока как в партизанах была, то у меня тогда винтовка была! Вот ведь как оно!

– А у меня автомат был! – гордо заявил дед, взглянув при этом на себя в зеркало.

– Что ты, старый, в зеркало уставился? – подтрунивала его Серафима – Ведь давеча, хоть бы раз на себя взглянул. Все говоришь, что, мол, перед кем красоваться!

– А что, я еще ничего! Вполне еще красавец! Правда, внученька? – и дед упер руки в боки, как заправский щеголь.

Стэлка смеялась, глядя на добрых стариков, проживших всю жизнь вместе. Она была рада, что дарила им тепло, даже молодость. Все стало как прежде. Свою одежду, в которой приехала и которая чудесным образом поменялась на скале на другую, она нашла дома и была немало удивлена этой находке. Конечно, после сражения с хулиганами она тут же переоделась, дабы не шокировать стариков вторично. Она понимала, что Система одарила ее «Своей рабочей формой», но еще не настало время ее одевать. С Большой скалы, конечно, вернулась она в ней, и защитила стариков тоже в ней, но далее она, переодевшись, аккуратно уложила ее под свои остальные одежды. А вот старики были очень даже рады такой внучке. Дед Антон, даже начал ухаживать за Стэллой. Так она ему понравилась, когда вышла победительницей в неравной схватке. Стэлла только смеясь отшучивалась, а баба Серафима, так та вообще показывалась со смеху, глядя на деда.

Стэлла только смеясь отшучивалась, а баба Серафима, так та вообще покатывалась со смеху, глядя на деда.

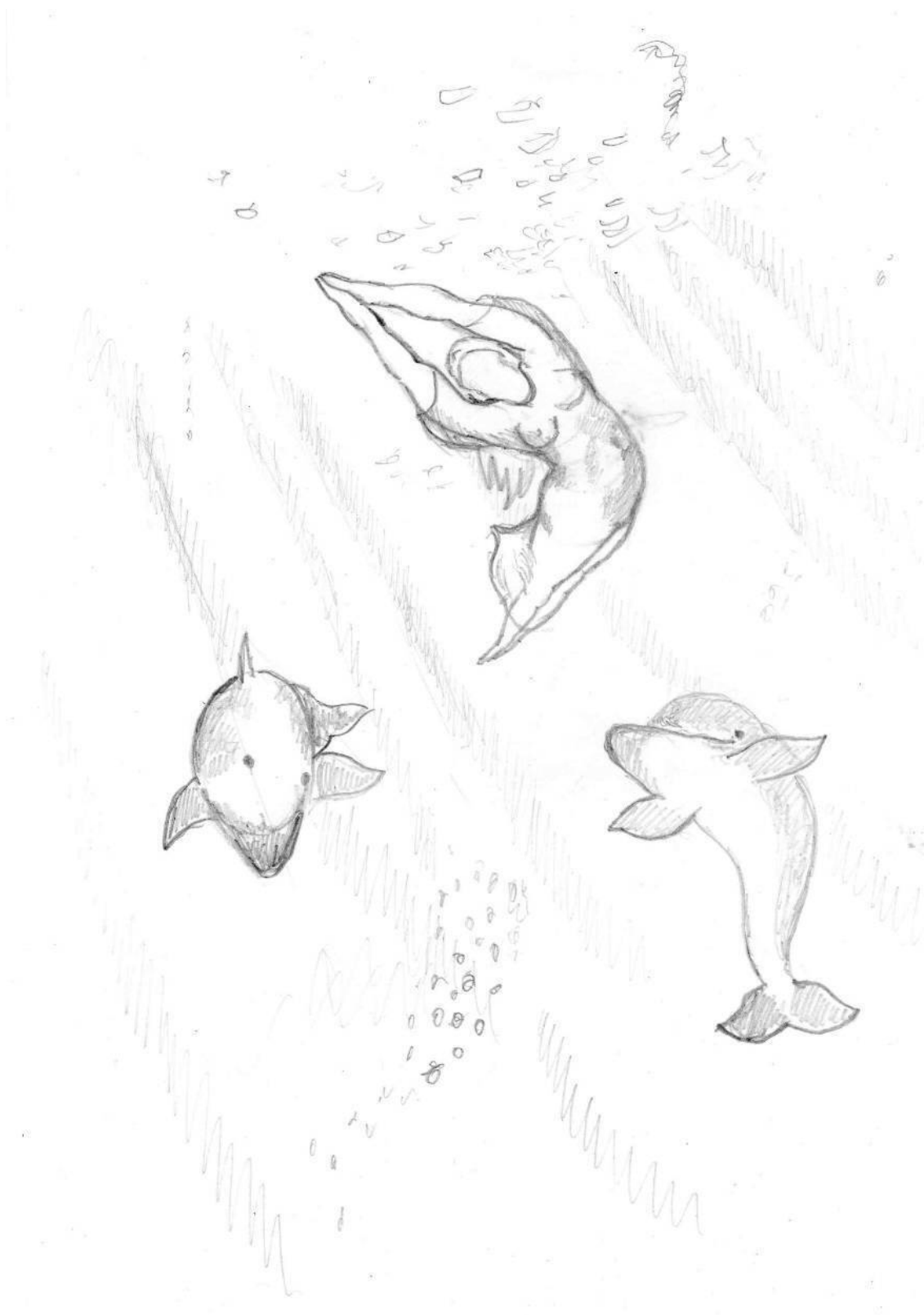
Как-то раз, надев обыкновенное длинное платье, Стэлла пошла к морю. Погода была жаркой и солнечной. Все располагало к купанию. Однако, купальник Стэлла с собой не взяла. Подойдя к воде, она вдруг увидела дельфина, который стрекотал неподалеку. Стэлке почуди-

лось, что он разговаривает с ней. А может, он просто в чем-то запутался и не может уплыть? Дельфин как будто понял ее мысли и, сделав большой круг по морскому простору, вновь оказался на прежнем месте. Теперь Стэлла поняла, что дельфин приплыл именно к ней. А дельфин вновь застрекотал. Стэлла осторожно ступила ногой в воду, и вдруг почувствовала родную стихию. Она испытала блаженство. Она, прямо не снимая платья, пошла в воду. Зайдя в воду по горло, она поплыла далее, на глубину. Вот тут-то она и вспомнила все свои детские переживания! Какое счастье было оказаться вместе с дельфином. А он, с нетерпением ожидая Стэлла, стрекотал, пищал и не мог найти себе места. Наконец Стэлла, подплыв к нему, ухватилась за его плавник. И дельфин поплыл со Стэлла в море. Он продолжал стрекотать. И вдруг она стала его понимать. И, что самое удивительное, это то, что он хоть и слегка, но ругал ее, за то, что она так долго шла к морю! Ведь после ее приезда прошло достаточно времени. Он несколько раз подплывал к берегу, ждал ее, а она даже и не думала идти к нему навстречу. Наконец, он решил просто позвать ее, поэтому сегодня она и пришла.

Стэлке стало немного совестно перед таким «кавалером»:

– Ну ладно, не сердись, понимаю, – ответила она ему.

Дельфин в ответ пискнул и замолчал. Таким образом они уплыли далеко от берега. И тут появилась целая стая дельфинов, которая приближалась к ним. Они устроили целый хоровод вокруг Стэллы, стрекотали и били фонтанами из дыхалец. Тут Стэлла почувствовала, что море приглашает ее в свои глубинные объятия. Стэлла отпустила дельфина и нырнула под воду. Это была ее вторая родина, вторая стихия. Она плыла и плыла в глубину. Она плыла в общем-то по-простому, помогая руками. И вот, Стэлла почувствовала в теле невероятную гибкость и подвижность.

И вот, Стэлла почувствовала в теле невероятную гибкость и подвижность.

Она вытянула руки вперед и поплыла, делая волнообразные движения. Она плыла под водой как змея, только гораздо быстрее. Наконец она увидела дно. Оно было прекрасно и сказочно. Стэлла просто встала на него ногами. Она понимала, что прошло много времени с

момента ее погружения, но ей совершенно не хотелось дышать легкими. Но при этом чувствовала она себя просто великолепно! Но как же так? Новая догадка, почему ей не надо дышать легкими, поразила ее! Она дышала, но кожей! Каким образом, ведает одна Вселенная! Примерно, как земноводная тварь пьет через кожу, так же и Стэлла дышала под водой! Причем в глотке образовался клапан, который надежно блокировал вход в бронхи. Даже случайно Стэлла не могла сделать вдох легкими. Стэлла забыла про все на свете! Она просто отдыхала, находясь на дне моря, незаметно для себя заснула. Неизвестно сколько прошло времени, но ее разбудил дельфин. Показывая, что пора, а то дедушка с бабушкой будут волноваться, он подставил сонной Стэлле свою сильную спину и повез к берегу.

Действие двенадцатое

Эндрю Джонс сидел, раскачиваясь в кресле, на палубе прекрасной яхты. Полуобнаженные девушки сидели рядом. Эндрю любовался ими. Ему нравились женщины. Женившись в свое время по расчету, он поначалу делил свою любовь исключительно с женой, но потом все-таки соблазнился молоденькой служанкой. Жена, узнав об этом, хотела поначалу поднять скандал, но, подумав, решила оставить все как есть. Главное – деньги! Потом она и сама стала наставлять мужу «рога». Эндрю продолжал баловаться жизнью до тех пор, пока его корпорация не стала приходить в упадок. Впрочем, его это сильно не смущало. Он не любил паникеров, и сам не паниковал. Он тихо наблюдал за ситуацией. И все-таки он ловил себя на мысли, что с каждым месяцем ему приходится задумываться о делах корпорации. Однажды, совершенно случайно, он узнал об уничтоженной корпорации по добычи минералов и драгоценных камней в простом разговоре с одним из коллег.

– А почему я об этом ничего не знаю? – спросил Эндрю коллегу.

– Господин Джонс, – стал оправдываться коллега, – я даже и не думал, что это Вас заинтересует.

– Что значит «не заинтересует»? – Эндрю был удивлен. – Погибла серьезная корпорация. А каковы причины?

Коллега в двух словах попытался рассказать историю. При его словах «какие-то иммуноандроиды», Эндрю буквально подбросило:

– И вы посчитали это не интересным!? – Эндрю с негодованием смотрел в глаза коллеги. – А если бы Вы случайно не обронили эту историю сейчас, то я ничего бы и не знал!

Эндрю негодовал на нерадивость коллеги. Тот стоял, переминаясь с ноги на ногу.

– Кто руководил этой корпорацией? – задал вопрос Эндрю.

– Насколько мне известно, – пробормотал коллега, – это некий Рудольф.

– Где он теперь? – Эндрю напряженно смотрел на коллегу.

– Это неизвестно, – ответил коллега. – Во всяком случае, мне.

– Хорошо, – Эндрю немного подумал. – А кто такие иммуноандроиды?

– Якобы, роботы совершенно нового поколения, – ответил коллега. – Они фактически люди.

– Роботы–люди? – в глазах Эндрю блеснул огонек. – Это интересно! Найдите мне все об этом деле!

– Хорошо, я попробую, – ответил коллега.

Эндрю проводил его серьезным взглядом. На следующий день Мартин Джонс, а именно так звали этого коллегу, был у Роя Смита. Мартин, естественно, поделился с Роем о его разговоре с Эндрю.

– Да, задачка! – Рой потягивал виски. – С чего думаешь начать?

– Не знаю, Рой, – ответил Мартин. – И шут дернул меня упомянуть об этой корпорации!

– Ну уж нет, Мартин, – ответил Рой, глядя в глаза Мартину. – Давай ищи!

– Как собака? – Мартин презрительно посмотрел на Роя.

Тот лишь цинично улыбнулся:

– Нет, Мартин, лучше!

Мартин вышел от Роя весьма озадаченным. Он думал, что Рой поможет ему как-то разрешить эту проблему, а получил обратное. Рой тоже напряг его, да еще сильнее. Что делать? Мартин отправился на поиски. Но прежде он пошел домой. Придя к себе домой, он прежде всего начал вспоминать, откуда он знает эту информацию. Приняв душ и улегшись в постель, он начал усиленно вспоминать прошлое. Но как он ни старался, ничего в голову не приходило. Наконец он просто заснул. Проснулся он под вечер. Выглянув в окно, решил прогуляться. На

улице было тепло. Кругом стояли ларьки, где продавали всякие безделушки, сувениры. Мартин шел среди всего этого блеска. Тут его внимание привлекла литература, разложенная буквально на дороге. Рядом сидела бабушка, которая, видимо, торговала всем этим добром. Мартин подошел и начал осматривать литературу.

– Здравствуй, сынок! – поздоровалась старушка – Что-нибудь надо?

– А что есть-то, бабуля? – Мартин внимательно смотрел на книги.

Одна только «художка» лежала на земле. Ничего более.

– Да вот все, что есть, – подтвердила бабушка.

– А научное чего-нибудь? – Мартин посмотрел с иронией на старушку.

Да ну и в самом деле. Старушка эта, как будто с огорода только пришла. Какие у нее могут быть научные книги? Мартин хотел было уже идти, да только старушка вдруг произнесла:

– Книг таких, милок, нет, а вот какие-то бумаги есть.

Произнеся эти слова, она полезла в суму и достала оттуда папку. Мартин насторожился. Старушка протянула ее:

– Вот, я про нее и позабыла совсем. Конечно, это не книги, а так, рукописи чьи-то. Но, якобы, научные. Мне эту папку родственники привезли. Сказали, что, мол, на, возьми. Это моя старая знакомая мне передала. Она-то уже совсем немощная, мож и померла поди уже. Она-то знает, что я книги продаю. Ну и решила, видать, а мож мне на доброе дело сгодятся. Я же ей, поди, не чужая буду. Давняя подруга, стало быть. Ну и делай, дескать, что хочешь. Ну а я и решила в добрые руки продать. Да вот никто не берет их. Говорят, что мол у самих этой макулатуры полно, девать некуда. Я уж хотела их на разжег в печку пустить, да вот последний раз их и принесла. На вот, держи. Мож сгодятся.

И старушка протянула Мартину папку. Мартин взял ее в руки, открыл и прочел первые строки.

Действие тринадцатое

– Внученька! Да где ж ты пропадала? – бабушка Серафима целовала Стэллу в обе щеки. – Ой! Ты мокрая вся!

– Да решила искупаться прямо так, – ответила Стэлла. – Чаю хочу!

Бабушка Серафима поставила чайник на плиту.

– Иди, душ прими, Стэллушка, а то морская вода на теле нехорошо, – сказала Серафима.

Стэлла пошла в душ. Раздевшись, залезла в ванну. Дом был без излишеств, но самое необходимое было. Смыв с себя морскую воду, помывшись и переодевшись, Стелла простирала платье, которое только что испытало все прелести морского дна. Чай пила с удовольствием.

– А вот и внученька! – это зашел дед Антон. – Ты где ж была-то?

– На море, дедушка, – мягко ответила Стэлла. – Купалась прямо в платье!

– Эх, молодость! – ответил дед.

После чая Стэлла заснула. Ей снилось море, дельфины, морское дно и все-все-все, что связано с ним! Она почувствовала себя русалкой в этом огромном пространстве. Она плавала и плавала, наслаждаясь свободой морских просторов. Ей было хорошо. Она плыла глубоко, там, куда уже не проникают лучи солнца. И вот там, на дне, между камнями, она увидела яркую точку. Она была очень яркая, и Стэлла плыла к ней. Все ближе и ближе! Но... сон пропал. Когда Стэлла проснулась, то была уже ночь. «Так я и не узнала, что это за точка», подумала Стэлла и вышла из дома. Ночь была ясная. Звезды светили в темном куполе ночного неба. Стэлла наслаждалась ночным воздухом. Затем, зевнув, пошла в дом. Там она улеглась снова и, заснув, проспала до утра. А утром ее вновь потянуло к морю, причем с новой силой.

– Бабушка, дедушка, – предупредила их на этот раз Стэлла, – Я к морю. Приду не знаю когда. Не от меня зависит.

Последнее сказанное Стэллой слегка насторожило стариков. Но они не придали этому особенного значения.

А Стэлла буквально сходу ринулась в воду. Вновь родная глубина! Вновь простор и красота! Вновь дельфины! Стелла плыла с большой скоростью под водой. Быстрее на глубину! Туда! Дельфины еле поспевали за ней. Стэлла не брала с собой отцовский клинок, считая, что пока это незачем. Она ложилась на дно моря, раскинув руки и погружалась в мечты. А дельфины плавали вокруг. Трещали, да и вообще, понуждали ее к тому, чтобы она поиграла с ними. И Стэлла играла с ними, плавая между ними.

Так шло время. Баба Серафима и дед Антон, даже не подозревали, что их внучка самая что ни на есть «русалка». При этом Стэлле снился один и тот же сон. Она все никак не могла приблизиться к той яркой точке на дне моря. Метр за метром она приближалась к ней, но она была все еще далеко, чтобы как следует рассмотреть, что же это такое блестящее.

Потом вдруг Стэллу необъяснимо потянуло играть на скрипке. Она дала знать об этом отцу. Тот незамедлительно исполнил просьбу дочери. И через некоторое время в руках Стэллы был этот музыкальный инструмент. Стэлла взяла скрипку в руки, наложила смычок на струны и провела по ним. Таким образом, она взяла первую ноту. Она впервые держала в своих руках инструмент. Баба Серафима и дед Антон с удивлением смотрели на свою названную внучку.

– Это, Стэллушка, ведь учиться надо. Играть-то... – произнесла Серафима.

– Да она умница, она научиться, – ответил дед Антон.

На это Стэлла вдруг взмахнула смычком, и... музыка полилась как река. Стэлла играла и играла. Как музыкант, посвятивший всю свою жизнь этому искусству. Старики рты поразинули, глядя на Стэллу! Такое они видели впервые. Они буквально «окаменели» от такой неожиданности.

– Стэлла! Да это как же? – первой выйти из состояния «окаменения» предстояло Серафиме.

– Вот таким образом! – ответила Стэлла.

– Да, дела, – только и произнес дед Антон. Больше он ничего сказать не мог.

А Стэлла теперь прибегала на море играть дельфинам. Она стояла на краю обрыва и играла на скрипке. Солнце освещало ее, ее жизненный путь. Множество дельфинов поклонялось ей и ее игре. Стэлла понимала, что ее жизнь только начинается, и что она готова была встретить ее и если надо, то отдать ее за Истину, как это сделала ее мама!

Действие четырнадцатое

Первые же строки повергли Мартина в шок. Сколько он помнил себя, ему еще никогда не приходилось читать таких документов, на первый взгляд представлявших стопку макулатуры. Но ведь это для неопытного глаза!

– Простите, – еле выговорил Мартин, – а откуда у Вас эти бумаги?

– Да как «откуда», милоч! – улыбнулась бабуля. – Я ж говорю, привезли мне их от давней знакомой. По молодости подругами были. Да с тех пор много воды утекло.

– Ха, ну да, конечно, – произнес Мартин. – А как звали Вашу подругу? Ой, простите. Зовут?

– А, так это, как ее, забыла, – стала вспоминать старушка. – Да как же, да ведь Марией Михайловной! Вот как!

– А вот спасибо! А она, говорите, жива? – осведомился Мартин.

– Ой, милоч! Да кто ж ее таперечки-то знает. Не ведаю, – ответила старушка.

– А где она живет? Вы не помните? – задал вопрос Мартин.

– Ой милоч! Да не помню! Она, я как помню, переезжала, а куда, не ведаю, – ответила старушка.

– Ну а родные-то Ваши, ведь они-то знают? – настаивал на вопросах Мартин.

– Слушай, милоч, – внезапно переменяла тон старушка, – я же не обязана тебе докладывать. Чай ты мне не прокурор. Хошь – бери, а нет – так и не надо.

Мартин понял, что перегнул с вопросами:

– Да ну что ты, бабуля! Конечно, возьму! Сколько с меня?

– Да ну, за бесценок отдам! – ответила бабуля и назвала сумму.

Мартин скроил физиономию. Не совсем, мягко говоря, это был и бесценок.

– А что же? – ответила бабуля. – Все-таки рукописи!

– Но ведь сами же сказали, что макулатура, – попытался возразить Мартин.

– Ну, мало ли, – ответила бабуля. – если нужно, значит уже не макулатура, значит и цена растет.

– Ну давай чуть скостим, – попробовал торговаться Мартин.

– Ладно! – согласилась бабуля, посчитав, что если не он, значит уже никто не купит этот товар. – Будь по-твоему.

И она назвала цену.

– А, вот это другое дело! – ответил Мартин, видя, что торг получился.

– Я знаю только одно, милоч, – сказала напоследок старушка, – что к ней какой-то ученый в последнее время заходил. В гости.

Дома Мартин принялся изучать рукописи. Как и предполагалось, они были написаны об иммунологических андроидах. Но, к сожалению, представляли собой не научные работы, а скорее мемуары. В конце была подпись: Альфред Росс.

Действие пятнадцатое

Небольшая, но красивая и удобная лодка держала курс на большую скалу. Ясная погода, легкий ветерок нисколько не умоляли силы волн моря. Вода была голубого цвета. Двое друзей беззаботно катались по морю. У них даже был акваланг. И вот, добравшись до определенного места, теперь они решали, кто из них будет первым нырять с аквалангом. Но в этот момент к ним приблизилась яхта. Пожилой джентльмен сидел в кресле в окружении девочек.

– Эй! Бездельники! – окликнул он друзей. – Что Вы тут делаете?

– Ничего, сэр, – ответил один из друзей по имени Том. – вернее, ничего плохого.

– Я вижу, что ничего ни хорошего, ни плохого, – ответил он.

– Слушай, Браун, – произнес Том другу. – Да ведь это Эндрю Джонс!

– Теперь жди плохого, – произнес Браун.

– Что вы там шепчитесь? – крикнул им Эндрю.

– Да нет, ничего, сэр. Погода хорошая! – пытался перевести разговор Том.

Браун при этом молчал как рыба.

– Чем зря терять время, лучше нашли бы работу, – крикнул им Эндрю.

– Да мы и так работаем, сэр! – ответил Том. – Вон там, на пристани!

– И много платят? – поинтересовался Эндрю.

– Нам хватает, – ответил Том.

– Это вам-то хватает? Двум здоровенным молодым людям, у которых вся жизнь впереди! – Эндрю рассмеялся.

Том и Браун переглянулись. Они прекрасно понимали, что это нездоровый смех миллионера. Во всяком случае, им он ничего хорошего не сулил. А Эндрю продолжил:

– Поидете работать ко мне, буду платить гораздо больше! Но за выполненную работу!

Что оставалось делать Тому и Брауну? Только дать согласие. Но они насторожились. Они понимали, что миллионер, что-то задумал.

А Эндрю крикнул:

– Возьму Вас обоих. Но дам хорошую зарплату тому, кто быстрее найдет мою трость на дне моря! Согласны?

Что оставалось делать заядлым ныряльщикам? Только подчиниться! Они оба кивнули. Осталось только кинуть жребий, кто будет первым, ведь акваланг был только один. Их спор разрешил Эндрю.

– Я тут и жребий, и спор!

Друзья выпрямились.

– Тебя как зовут? – обратился он к Тому.

– Меня? – переспросил Том.

– Ну да, тебя! – крикнул Эндрю.

– Том, – ответил Том. – меня зовут Томом.

– Вот что, Том, – произнес Эндрю. – Видишь мою трость? Найди ее на дне! Да как можно быстрее! Надевай акваланг!

Том надел акваланг и приготовился. Эндрю встал из кресла, подошел к перилам и размахнувшись запустил трость в море. Том надел маску и свалился за борт яхты. Прохладная морская вода, как и обычно, действовала освежающе. Том начал погружение. Он совершенно не рвался на работу к Эндрю, а потому и не спешил. Мимо, как обычно, проплывали одиночные рыбки, а то и целые стаи рыб. Но вот наконец и дно. Пара катранов, плавая, нарезали круги. Том проплыл еще некоторое расстояние. Вот где-то здесь и должна быть трость, брошенная Эндрю Джонсом. Что ни говори, хороши развлечения миллионеров! Том начал обследовать

место. Трость могла завалиться куда угодно! Могла быть и между камнями, и даже закатиться под них.

А Эндрю в это время следил за часами.

– Что-то долго твой дружок возится, – проговорил он, глядя на часы.

– Не так это просто, сэр, – ответил Браун.

– А я легких задач не задаю, – ответил Эндрю.

– Ну так значит и потерпите, – коротко изрек Браун.

Эндрю посмотрел на Брауна и ухмыльнулся. В этот самый момент вынырнул Том, держа в руке трость.

– Молодец! – проговорил Эндрю. – Вот хвалю! А теперь вот ты! Умник, твоя очередь!

Эндрю ткнул пальцем в Брауна. Браун посмотрел на Эндрю с легким презрением и надел акваланг. Том подал Эндрю трость.

– Ну посмотрим, какой ты у нас герой! – крикнул Эндрю и швырнул трость в море.

Браун надел маску и свалился за борт лодки.

Действие шестнадцатое

Стелла благодарила отца за скрипку, отсылая СМСки, когда к ней подошел дед Антон и позвал к обеду. Стелла ела, как всегда, с аппетитом. А после обеда решила лечь отдохнуть. Незаметно для себя она заснула и увидела во сне опять тот же сон. Дно моря, и там вдалеке яркая точка. Плывет она к этой точке, плывет, еще ближе на полметра и... далее сон исчезает. Проснулась Стелка рассерженная:

– Да ну как же так, в самом деле! Какой раз снится мне этот проклятый сон, и всякий раз я не понимаю – что это за такая точка там?!

– Внученька! Что случилось? – войдя к ней спросила баба Серафима.

– Да все нормально, бабушка, – едва сдерживая эмоции ответила Стелла. – Все хорошо.

Стелла вышла из дома и направилась к морю. Бабушка Серафима проводила ее тревожным взглядом. Она почуяла неладное. В этот раз Стелла медленно шла к воде. Да и одета она была в длинное платье с розовыми цветами. Стелла присела у самой воды. Ей казалось, что вода каким-то образом хочет обмануть ее, скрывает от нее что-то. В этот миг Стелла смотрела на воду с некоторым подозрением. Затем вздохнула и вспомнила, что даже скрипку забыла дома. «Ладно», подумала она, «доверюсь воде. Может это и не она вовсе так играет со мной. В конце концов в глубине думается лучше. Только вот с дельфинами играть в этот раз не тянет».

И Стелла стала входить в воду. Наконец, она медленно, без всякого энтузиазма, поплыла. А навстречу ей уже плыли дельфины. Они хотели начать играть с ней, но увидев ее расположение духа, несколько укротили свой пыл. Только один попытался с ней заиграть, но она только нежно погладила его. Заплыв на приличную глубину, Стелла уселась на камень. Она задумалась, глядя на этот подводный мир. И все-таки здесь ей было хорошо, тихо и спокойно. «Как хорошо», подумала Стелла, «что я живу в современном мире, без всякого насилия над личностью человека. Как хорошо, что существует наука, которая многое может объяснить. Бедные Гуттиэре и Ассоль! Сколько им пришлось пережить! А ведь я на них немного похожа. Тоже живу у моря. Хотя, в отличие от них, я ой как умею постоять за себя! Степочка, братик, ты скучаешь по мне. Я это не только знаю, но и чувствую. Ничего, я навещу Вас всех! Не в плену ведь я!» Так думала Стелла, сидя на камне на приличной глубине. Она даже напоминала «Аленушку у ручья», картины Васнецова. «Да что это, в самом деле! Тоска, да тоска какая-то!», подумала Стелла и начала разминать ноги и руки. Затем просто занялась отработкой движений боевых искусств. Дельфины, увидев такую перемену в ее настроении, закружились вокруг нее. А Стелка то отработывала распорку из системы каратэ, то многоуровневые вращения кикбоксинга. Работала над плоскостями. Отработывала Вин Чунь. Только вот таэквон-до на глубине отработывать не получалось. И причиной тут был принцип вертикальной оси. Вода есть вода. Она же держит человека. Но в целом все шло хорошо. В общем делала все, что должен знать иммуноандроид. А именно логику второго порядка, как главенствующую над остальной логикой. Впрочем, как уже известно, что тем самым создается многоуровневость логики. Вот так и трудилась Стелла на дне морском, в дали от посторонних глаз. Она даже «вспотела»! А затем, чтобы расслабиться, стала просто плавать. Наконец, развеяв тоску-печаль, она вновь уселась на подводный камень. А заигравшиеся дельфины ни в какую не хотели отдыхать! Они плавали и резвились, понуждая Стелку поиграть с ними еще. Но несколько утомившаяся Стелла вежливо отказывала им. А один из дельфинов так разыгрался, что уплыв достаточно далеко, исчез из виду, а когда Стелла увидела его вновь приближающегося к ней, то во рту он держал трость черного цвета.

Действие семнадцатое

Да не будь Альфред Росс ученым, настоящим ученым, если не возьмется за дело иммуноандроидов со всей скрупулёзностью. Как в свое время Дон Кихот Ламанчский, начитавшись романов о рыцарских подвигах и решивший тоже стать таким героем, так же и Альфред Росс, вновь начитавшись фантастику, не покинул своей детской мечты стать настоящим ученым. И он захотел им стать вновь, хотя и давно уже был им. Он понял, что его путь к знаниям где-то «дал трещину». Что все то, чему его учили, это что-то не то. Даже скорее эти знания не могли многого объяснить. Если бы Сервантес только знал, что среди ученых спустя много лет появится такой «Дон Кихот»! Сам Александр Павлович Нечаев, друг и коллега Альфреда, с тревогой наблюдал за своим товарищем: «А не сошел ли он с ума?».

– Нет, не сошел! – как-то ответил ему на этот вопрос Альфред.

Все бы ничего, да только Нечаев, глядя на Альфреда, задавал этот вопрос самому себе, да и то про себя.

– Вы что, стали телепатом? – Нечаев был в крайнем недоумении.

– О нет, старина! – ответил Росс. – Просто я Вас очень хорошо знаю.

– И что же Вы обо мне знаете такого, чего не знаю я? – прищурился Нечаев.

– Да буквально все, – ответил Росс, продолжая что-то чертить на листке бумаги.

– Так! Начнем с вашего «Буквально все». И что же в итоге? – Нечаев даже привстал с кресла.

– Да все! – продолжил Росс.

– Ну например? – не унимался Нечаев.

– Ну, например, я догадался о том, что Вы вынесли свой вердикт о том, не сошел ли я с ума, – произнес Росс, оглянувшись на Нечаева, – потому что это у Вас это буквально на лице написано.

– И только? – спросил Нечаев.

– Конечно, мой дорогой друг! – Росс улыбнулся.

– Что ж, я весьма рад этому, – произнес Нечаев.

– Да не обижайтесь, Александр Павлович, – произнес Росс. – Дело иммуников оживает. Я не могу забыть о Лие, не забуду и Стэллу. Поймите наконец, Александр Павлович, мы с Вами ученые, и должны сделать все, чтобы дело иммуников приобретало истинно научный смысл.

– Это как? – спросил Нечаев. – Ведь они уже были! Мы знаем про них, и этого вполне достаточно.

– Так же как амебу, инфузорию туфельку, – проговорил в ответ Росс. – Да мы и холеру вроде как знаем, и кишечную палочку, и прочую «требуху». Мы увидели их в микроскоп! А далее что?

– Странный Вы, Альфред, в самом деле, – пробормотал Нечаев. – Как же «что далее?». Лекарство изобрели, чтобы холерой не болеть! Вот что сделали!

– А вот без лекарства ну никак нельзя! – чуть с раздражением ответил Росс. – Неужели моя жизнь зависит от какой-то несчастной таблетки?! Нет, Александр Павлович! Так не годится! Инфузории инфузориями. Однако, мы не знаем истинных причин появления этих инфузорий. Меня волнуют не сами иммуники, а причины их появления!

– Ну это Вы уже хватили чересчур, дорогой мой Альфред! – ответил Нечаев. – Прошу Вас, успокойтесь. Все позади.

– И это после тех детских и юношеских книг про фантастику? Так, что ли? – Росс, не скрывая улыбку, смотрел на Нечаева.

– Ох! Альфред, Альфред! – только и произнес Нечаев.

Росс снова погрузился в науку. Он искал свои ошибки. Где он упустил ту «заветную ниточку», которая ведет к великим познаниям?

Был уже вечер, когда к готовившемуся ко сну Альфреду постучали. Альфред надел тапочки и пошел открывать дверь, ворча про себя:

– Ох, Нечаев, все никак не угомонится. Все поговорить ему надо. Кошку бы завел, с ней бы и разговаривал. Сейчас иду!

Открыв дверь, он увидел совершенно незнакомого человека. Альфред даже поначалу немного не то растерялся, не то слегка испугался.

– Вам кого? – спросил он.

– Простите, – тихо и уважительно произнес незнакомец. – Вы Альфред Росс?

– Ну, допустим. А что такое? – ответил Альфред. – Простите, я Вас что-то не припомню. Кто Вы?

– Вы меня не знаете – так же уважительно заговорил незнакомец. – Я долго искал Вас, и вот наконец нашел. Мне можно с Вами поговорить?

– Простите, во-первых, уже почти ночь, и я готовлюсь ко сну, – ответил Альфред. – А потом я дико устал и хочу спать. Давайте в следующий раз.

И Альфред хотел было закрыть дверь, но незнакомец вдруг ответил:

– Я по делу иммуников.

Альфред был буквально ошарашен!

– Хорошо, проходите, – Альфред впустил незнакомца. – Садитесь. О чем Вы хотели со мной поговорить?

– Меня зовут Мартин Джонс, – представился незнакомец. – Я очень интересуюсь делом иммуноандроидов.

– Как Вы меня нашли? – Росс строго и с напряжением смотрел на столь позднего визитера. – Откуда Вы знаете мое имя?

– О, это просто, – начал Мартин. – Просто я люблю всякий антиквариат.

– Хорошо, – перебил его Росс. – а я-то тут при чем? И при чем тут иммуники?

– Дайте я Вам все объясню, – проговорил Мартин. – Антиквариат бывает самым разнообразным.

– Ну, допустим, – Росс внимательно смотрел на незваного гостя.

– Так вот, – продолжил Мартин, – я люблю книги.

– Очень хорошо, – перебил его Росс. – Что далее?

– О, только прошу Вас, – учтивым голосом продолжал Мартин, – не перебивайте меня, а то мне необходимо сосредотачиваться.

– Хорошо, – ответил Росс, – слушаю Вас.

– Так вот, – продолжил Мартин, – как я уже говорил, я люблю книги. А тут...

И Мартин рассказал Россу о том, как ему удалось приобрести его рукописи и как на них он увидел его автограф. Росс был в шоке.

– Да, бедная старушка, – пробормотал он. – А я и не знал, что она умерла. Я давно не был у нее. А какая она была гостеприимная. Всегда поила меня чаем. Хорошая она была. Вот я и решил отдать ей свои бумаги. Решил, пусть, мол, хранит их. А почему так решил, вроде как они мне и самому нужны, да просто состояние у меня было тогда такое, что собственных рук боялся. Думал, вдруг что-то найдет на меня и уничтожу их. Пока они были у нее, мне было спокойнее за них. Да и на вид она была такая крепкая. Ну что же, старой закалки человек. А оно вот как вышло. Своей подруге, значит, перед своей смертью передала, и вот итог – они снова у меня? Так, что ли?

Естественно, он говорил о Марье Михайловне. Росс вздохнул.

– Вы знаете где ее похоронили? – спросил он гостя.

– Да, конечно, – ответил Мартин. – Правда то кладбище довольно далеко от сюда.

– Надо бы съездить на ее могилу, – произнес Росс.

– Да, конечно, как будет время, – сказал Мартин. – Скажите, пожалуйста, господин Росс, а откуда Вы знали ее? Кто Вас с ней познакомил?

– Да какая Вам разница? – Росс был в задумчивости. – Мои бумаги у Вас?

– Да, конечно, – Мартин открыл чемодан и извлек из него папку. – Вот они!

– Да, – произнес Росс, разглядывая бумаги, – Это мое. Так что Вы хотите от меня?

Действие восемнадцатое

Нечаев в это самое время места себе не находил. Бродил по комнате, пытался отвлечь себя чтением, принял душ. Наконец, просто выпил рюмку коньяка. Его попросту мучило необъяснимое беспокойство. Он много лет изучал космос, многое чего знал. Но знания об иммуноандроидах... Это было нечто совершенно новое. Он всегда относился к космосу как к неживому объекту наблюдения. Конечно, философские мысли посещали его, и неоднократно, но, в целом, он не мог назвать Космос душой Вселенной. А ведь душа – это примета живого, то есть жизни. А вот иммуники действительно переделали его взгляд на Космос, на его колоссальное пространство, наполненное звездами. Конечно, жизни там не было, имеется в виду биологической, но Космос предстал теперь перед ним в совершенно иных красках. Иммуноандроид предстал теперь перед Нечаевым, действительно посланником Вселенной. И даже более того, посредником между людьми прошлого и человеком будущего. Именно человеком. Ведь среди массы людей может быть всего один человек.

Но не только эти мысли легли на душу Нечаева. Этим вечером его мучило какое-то странное беспокойство, совершенно безотчетное. Было уже достаточно поздно, когда он наконец плюнул на все и решил пойти к Альфреду. Он, конечно, понимал, что сейчас предстанет перед ним в образе нахала, так как Альфред наверняка уже давным-давно спит, но все-таки собрался и пошел к другу. Хотел Нечаев ему позвонить, даже уже и номер набрал, но потом положил трубку. Было уже и впрямь поздно, когда Нечаев зашел в подъезд. Он начал подниматься по лестнице. Кругом тишина. Все уже спят. «Как меня встретит Альфред?», думал он. «Пошлет ко всем шутам! Вот и все.» Вот за такими раздумьями он и подошел к двери. Прежде чем позвонить, прислушался. Все-таки неудобно. Хоть Альфред его друг, но все-таки поздно. Нечаев приложил ухо к двери.

Действие девятнадцатое

- Так что Вы хотите от меня? – Росс задал вопрос с небольшой грустинкой в голосе.
- Уважаемый господин Росс, – начал Мартин со слащавостью в голосе, – читая Ваши бумаги, я понял одно. Вы великий человек!
- Ну вот только давайте без этого пафоса! – Росс серьезно смотрел на Мартина.
- Как скажете, – ответил Мартин и, усевшись поудобнее, продолжил. – Меня заинтересовали Ваши бумаги.
- Я это уже слышал, – произнес Росс. – Давайте по делу.
- Прекрасно, – Мартин взглянул на Росса. – Мне понравились Ваши сведения об этих иммуноандроидах. Я бы хотел узнать побольше о них. Ведь согласитесь, что записи записями, но когда есть живой автор этих записей, то почему бы не обратиться к нему? Поговорить, так сказать, тет-а-тет, вернее даже по душам. Как Вы к этому отнесетесь?
- По душам? – Росс взглянул на Мартина. Легкая усмешка пробежала по его лицу. – По душам! А Вам известно вообще, что такое душа?
- Ну что Вы, господин Росс! – Мартин наигранно заулыбался. – Мне хочется узнать больше, чем здесь написано, вот и все! Дело иммуноандроидов для меня представляет огромный интерес.
- Ну и что же Вы хотите о них узнать? – Росс положил ногу на ногу. – Конкретнее?
- Принцип их действия, – Мартин вдруг стал серьезен. – Кто они? Люди? Машины? Кто?
- Ни то, и ни другое, – произнес Росс.
- Ну а кто они? – Мартин разволновался. – Что они собой представляют? Может, Вы хотите сказать, что они не «что», а «кто»?!
- Мне трудно судить, молодой человек, – ответил Росс. – Я вижу, что Вы неплохо подготовились. Ваша ошибка в том, что Вы слишком много хотите знать. Не перебивайте меня. Я много старше Вас. Я прошел много в этой жизни. Вы хотите узнать кто такие иммуноандроиды?
- Мартин кивнул. Альфред встал и подошел к окну. За окном было темно. Альфред вздохнул.
- Для Вас иммуноандроиды – это всего лишь машины. А для меня они значат много больше. Я даже сам не знал, что встреча с ними так повлияет на мое мировоззрение. Я скучаю по ним. По машинам так не скучают. Они благородные существа.
- Это, конечно, все хорошо, – Мартин перебил Альфреда, – но мне нужно знать не кто они такие...
- И как ими можно управлять! – голос Росса сделался твердым. – И Вы хотите управлять людьми?
- Управлять людьми? – в голосе Мартина прозвучали нотки робости. – Да, то есть, конечно, нет! Я не знаю.
- Ну вот когда разберетесь в себе самом, тогда и поговорим по душам, – ответил Росс.
- Да, но ведь рухнула целая корпорация! – Мартин сделался несколько вне себя.
- Да Вам-то что до этого? – сухо прозвучал вопрос Альфреда.
- А то, что мы бы могли... – тут Мартин резко замолчал.
- Не понял? – Альфред резко обернулся и взглянул на Мартина. – Кто это «мы»?
- Ну, Вы... я... – голос Мартина затрясся.
- Он понял, что проговорился.
- Ну вот что, молодой человек! – голос Альфреда стал суровым. – «Вы», «я». О чем Вы говорите вообще? Кто это «мы»? Вы меня нашли. А теперь ответьте на мой вопрос: кто вас ко мне подослал? Вы хотите все выведать об иммуниках. Для чего? Вернее, для кого? Для Вашего хозяина? Вот что, теперь поздно. Убирайтесь отсюда! Я ложусь спать!

– Лучше скажите сейчас, – завопил Мартин. – Мы все равно все узнаем!

– Убирайтесь вон! – Альфред указал на дверь.

Мартин буквально трясло. Разговор только завязывался, и вот все рухнуло.

– А бумаги я возьму с собой! – крикнул он, уже находясь на пороге, – Я за них деньги платил! Они теперь принадлежат мне!

– Если сейчас же не уберетесь, – крикнул Альфред, – то я вот этим самым кулаком Вам автограф нарисую под глазом!

Мартин буквально вынесло из квартиры. Он даже не заметил стоявшего рядом Нечаева.

– И больше чтобы шагу Вашего не было здесь! – Альфред на полшага вышел из своей квартиры.

– А ко мне, я думаю, это не относится? – раздался наконец голос Нечаева.

– Александр Павлович! Да никак ты? – Альфред увидел наконец друга.

– Да вот, собственной персоной, понимаешь, – проговорил Нечаев, обнимая опешившего друга. – Войти-то можно?

– Да ну конечно! Входи! – Альфред впустил друга в комнату.

– Слушай, а я ведь себе места не находил, – оправдывался Нечаев за столь поздний визит.

– Да ладно, хорошо, что пришел, – ответил Альфред. – Ну негодай!

– Кто?

– Да ты его только что видел.

– Это вот этого? Который только что убежал от тебя? – Нечаев кивнул на дверь.

– Да, этот, – Альфред ходил по комнате.

– Да ты чего так разволновался? Делай как я! – и с этими словами Нечаев уселся в кресло.

– Может, ты и прав, – произнес Альфред, глядя на Нечаева. И тоже уселся на диван.

– Он чего, довел тебя до «икоты»? – с иронией в голосе спросил Нечаев.

– Александр Павлович! – Альфред вздохнул. – Вам все шуточки. А он, между прочим, интересовался иммуниками. Вот так! И я чувствую, что не только он. За ним целая группа. Он так, подосланный.

– А это как так получилось? – спросил Нечаев.

– Да вот так и получилось. Ах! Да чего там говорить! – Альфред хлопнул себя по ляжке. – Понимаешь, мемуары он мои отыскал! Причем далеко не здесь, а у моря! Мария Михайловна умерла! Я и не знал. Ну захаживал я к ней несколько дней. Алексей меня с ней познакомил. Приветливая такая бабуля. Разговаривали, чай пили, а иногда и наливочкой угощала. Ну вот я и решил ей эти мемуары подарить. В них-то ничего особенного не написано. Я даже имена изменил. Но суть-то одна! Иммуноандройды! А я-то жизнь просто описывал!

– Слушай, Альфред, – перебил его Нечаев, – а как они к морю попали? Ведь насколько я знаю, наша-то бабуля здесь живет.

В голосе Нечаева звучала и тревога и вопрос. Но ведь он был прав!

– Перед смертью, якобы, она их передала своей подруге, – произнес Альфред. – Это мне сказал этот тип.

– А почему, в таком случае, она их не возвратила тебе? – задал законный вопрос Нечаев.

– Дареное обратно не возвращают, – ответил Альфред. – Она видела в моих записях только художественную сторону. А вот когда они попали теперь к этому типу, то все стало иначе! Вот так, Александр Павлович!

– Да, дела, – только и смог произнести Нечаев. – А я ведь как никто другой знаю одно! Как ты трудишься над ними!

– Да, знаю, – произнес Альфред. – И, признаться, я кое-что нашел!

Действие двадцатое

Браун считал себя хорошим пловцом. Он неплохо ориентировался под водой. Мог долго держаться под водой без акваланга. Частенько плавал с дельфинами. Том был его другом и единомышленником. Как-то Браун сильно заболел, высокая температура, буквально жар. В те дни Том был рядом. Он хотел было позвать на помощь врача, но Браун был против.

– Никаких врачей, Том! Я чувствую. Нет, я просто уверен, что ничего не надо. Организм должен справиться сам.

– А если будет хуже? – беспокоился Том.

– Хуже не будет, потому что хуже не бывает, – пытался отшутиться Браун.

Это была горькая шутка. Но ему было теперь далеко не до них. Ему было тяжело. Том, все-таки не выдержав страданий товарища, позвал на помощь врача. Прибывший врач, осмотрев Брауна, сделал ему укол, дабы сбить температуру. После этого Браун более недели не мог прийти в себя. Он чувствовал тошноту и слабость.

– Вот, – высказывал он Тому, – это все твои медики! Все, на что они способны!

– Слушай, Браун, – оправдывался Том, – главное, что температура ушла!

– И, по-твоему, это хорошо? – Браун серьезно смотрел на Тома.

– Но ведь ты сейчас на ногах! – Том в растерянности смотрел на Брауна.

– Да, еле стою, – ответил Браун и вдруг добавил. – Завтра с утра пойду к морю. Окунусь в прохладу.

Том не стал возражать. И утренняя морская вода встретила их обоих. После такого купания у Брауна вновь восстановилась высокая температура. Но медикам дорога была к нему «заказана». Через три дня Браун был полностью здоров. И вот друзья уже снова в лодке. Они любили море, и оно отвечало им взаимностью. Снова акваланги и путешествия по морским глубинам. Но сейчас Браун выполнял прихоть миллионера. Он, конечно, мог этого и не делать, но ссориться тоже не хотелось, да и Тома надо было поддержать. И вот, запомнив место, куда попала трость, надев акваланг, и, подгоняемый окриками Эндрю, он прыгнул с борта лодки. Водная стихия, как всегда, охватила его. Небольшие стайки рыбок проплывали мимо него. А он плыл ко дну, туда, где должна была быть эта трость.

– Да будь ты неладна, – думал тогда Браун.

И вот наконец дно. Мало того, что довольно глубоко, так еще вдобавок ко всему, дно было каменистым. Большие валуны, размерами чуть ли не с человеческий рост, поросшие водорослями, были здесь. Расщелины между ними были довольно узки.

– Знает, старый бес, куда швырять свою трость, – думал Браун, ползая между валунами, заглядывая то в одну, то в другую расщелину.

Трость могла быть где угодно. Но на поверхности камней ее, увы, не было. Тому, в отличие от него, выходит, просто сильно повезло. А вот ему, Брауну, придется «попотеть». И Браун начал скрупулёзные поиски ненавистой трости. Благо запаса воздуха в баллонах хватало. Так он искал и искал, но кроме донных рыб, прячущихся под валуны, да крабов более ничего не было. Обнаружил часики, не золотые, но все равно красивые. Хотел было достать, но не получилось. Расщелина была слишком узка для руки, а время поджимало. Браун стал искать дальше. Казалось, что он обыскал все, но трости не было. Как сквозь землю провалилась.

Тем временем, пока Браун искал трость, Том нервничал, а Эндрю зубоскалил:

– Ну, – говорил он, – и где твой герой? Не потонул, часом?

– Не говорите так! – Том всматривался в глубину. – Браун хороший пловец! А потом, он мой друг!

– Да ты, я вижу, – произнес Эндрю, – за него горой! Значит он действительно герой! Поглядим!

– Браун знает, что делает! – ответил Том. – Он опытный!

– Ну, знает так знает, – преспокойно ответил Эндрю. – Я же ведь не против его мастерства.

А Браун искал и искал. Все облазил, нигде нет проклятой трости. А тут еще одна неожиданность – дельфин прицепился! Браун их любил, любил играть с ними, но сейчас – как некстати! Браун начал легонько, чтобы не обидеть животное, ладонью, тихонько отталкивать его. Браун всеми силами и жестами давал знать дельфину, что ему сейчас не до игр. Напрасно! Дельфин кружил и кружил возле Брауна. Браун начал терять терпение. В конце концов он хотел даже шлепнуть «приставалу», как вдруг, дельфин сначала отплыл от него, а через секунду вернулся. Браун хотел очередной раз занести руку для шлепка, и замер от неожиданности: в пасти дельфина была трость!

Действие двадцать первое

Альфред уселся поудобнее в кресло.

– Видишь ли, Александр Павлович, в жизни каждого из нас произошел перелом. Да-да, именно после того случая с порталом. Но не он мне интересен. Портал – это уже второстепенно. Мне нужна была суть идеи иммуников.

– И в чем же она? – Нечаев был весь внимание.

– Хороший вопрос Вы мне задаете, Александр Павлович, – улыбнулся Альфред. – Я вот сам над этим бьюсь. Понимаете, дело в том, что название «иммуоандроид», это как бы обобщающее. А вот если взять частное определение, то мы имеем дело с нейроиммуоандроидом. Попробую пояснить. Безусловно, основным и узловым звеном при разработке такого рода андроида, являются, конечно, принципы построения движений логики второго порядка. В процессе онтогенеза индивид приобретает различные формы движений. Поначалу они формируются у него как программа. То есть поначалу идет обучение индивидуума. Ну, к примеру, как правильно держать ложку, карандаш. Это все сначала является программой, а уже когда научился, то преспокойно начинает формироваться алгоритм. Это понятно.

– Да, конечно, – произнес Нечаев, – я не буду задумываться над тем, как мне взять ложку. Я ее просто беру.

– Вот именно, – продолжил Альфред. – Любое обучение в таком случае является программой. Ну, скажем, обучение иностранному языку или работе на компьютере. Вернее, работа с клавиатурой, набор слов «вслепую». Человек поначалу обучается, то есть в него закладывается программа. А вот потом эта программа преобразовывается в алгоритм. Про такого говорят, что он профессионал. Но стоит чуть поменять алгоритм, и вот тогда учиться придется заново. А почему? Потому что программ много и алгоритмов тоже, скажем так, соответственно. Иммуник работает иначе. И важнейшую роль здесь играет функция торможения. Разумеется, через ограничения. Вся нейросистема, весь нейромеханизм, вся нейросеть подчинена функции управления. Нейросеть приобретает иные свойства. Мы-то знаем, ну скажем, рефлекторную дугу. Ну да, скажем, что может робот подать стакан чая. Благо количество степеней свободы позволяют ему это сделать. Когда программируют движение роботов, то вынуждены делать это для каждого сустава, каждой точки в отдельности. Каждая из них обладает определенным количеством степеней свободы. И поэтому задача в программировании даже элементарного движения увеличивается многократно. Нейросеть позволяет, а вот с иммуником несколько иначе.

– Понимаю, – произнес Нечаев. – У меня такое ощущение, что, создав иммуоандроидов, мы и сами того не понимая, всколыхнули космические недра. Ведь человек, во всяком случае для меня, это целая Вселенная.

– Вот поэтому Вы и есть мой друг и коллега, – улыбнулся Альфред. – Вы, Александр Павлович, «дита Космоса». Фантазер и поэт!

– Да, но умеренно! – уточнил Нечаев.

– Ну это разумеется, – подтвердил Альфред. – Если бы было по-другому, то Вы не были бы ученым. А были бы, например, писателем! Может даже сказочником.

Друзья улыбнулись.

– Пойду поставлю чайник, – и Альфред, несмотря на уже ночное время, поплелся на кухню.

Нечаеву тоже не спалось. Он прекрасно понимал, что Росс докопается до самой глубины вопроса об иммуниках. Вот только когда это будет? Чайник вскоре закипел, и вот уже на столе, на тарелке, лежали нарезанные бутерброды.

– Какой вкусный чай! – проговорил Нечаев, отхлебнув из чашки.

– А знаешь почему? – задал ему вопрос Альфред.

– Нет, – ответил Нечаев.

– Это все потому, что у нас с тобой научные беседы! – констатировал Альфред. – У нас безлимитный график! Когда захотим, тогда и работаем! Вот сейчас, ну накатило! Так и хочется помыслить, пофилософствовать, разумеется, по теме. Вот такие мы!

– Ай-да мы! – засмеялся Нечаев, откусывая бутерброд. – Значит говоришь, что ограничения играют здесь важнейшую роль?

– Наиважнейшую, Александр Павлович, – ответил Альфред, – наиважнейшую! Ограничения степеней свободы логикой второго порядка, а это значит правилам построения движений по принципам того же порядка, определяют не только присутствие синергетического эффекта, но и гораздо более важные вещи. Я так думаю, что все это влияет на синапсы. Нейросеть становится не просто упорядоченной, она становится именно иммунизированной. То есть мы можем наблюдать синаптическую иммунизацию. Выстраивание синапсов таким образом, что созданная в результате этого конструкция нейросети будет сильно отличаться от обыденной. Вот Вам и платформа для алгоритма! А программа может, конечно, еще и пригодиться. Но сбить с толку такого андроида будет не под силу.

– Вы хотите сказать, что может измениться даже анатомия? – спросил Нечаев.

– Да, мой друг, – ответил Альфред. – Насчет нейрохимии сказать трудно, хотя... кто знает? Все может быть задействовано, даже нейромедиаторные процессы.

– Ну уж это Вы хватили через край! – Нечаев даже бутерброд положил на тарелку. – Это уж слишком!

– Нет, Александр Павлович, не слишком! – ответил Альфред. – Очень даже не слишком! Природа что-то задумала вообще о нашем существовании здесь, на Земле. Для нас с вами ГАМК, ну эта, гамма-аминомасляная кислота, да глицин всего лишь тормозные нейромедиаторы! Не более! Как кусок сахара в чашке с чаем! Понимаете? Мы привыкли к плоскостному измерению. А вот здесь открываются совершенно новые горизонты. Нужны только условия, и они сработают!

– Кто сработает? – Нечаев был насторожен после таких рассуждений Росса.

– Элементы, Александр Павлович! – ответил Росс. – Только все должно быть упорядоченно.

Нечаев понимал, что речь шла далеко уже не о рефлекторной дуге, а о нечто совсем ином. Человек, привязанный к рефлексам, живет по их законам, по сути говоря. В случае с иммуноандроидами человечество вступило в совершенно иную эру своего развития. Рефлекторная дуга может остаться далеко позади. Что будет в таком случае с человечеством? Что его ждет?

Действие двадцать второе

Браун, видя такое, на несколько секунд потерял дар мысли. О даре речи не могло быть и речи, дабы рот его был занят дыхательным растробом акваланга. Дельфин, подплыв к нему, оказался с ним буквально нос к носу. Затем «издевательски» повертел перед его носом тростью, пропищал что-то, и начал плавать вокруг Брауна, демонстрируя ему трость. Такой наглости от дельфина Браун никак не ожидал. Он сидел на подводном камне и тупо глазел на кривляющегося дельфина. А тот плавал вокруг него, приглашая поиграть в игру, типа «А ну-ка, отними!»

Стэлла сидела на подводном камне и даже под водой пыталась уложить волосы, дабы быть красивой и на дне морском. Хотела даже прищипить их заколкой. Но, подумав, оставила эту идею в покое. Множество рыбок проплывало мимо нее. Вдруг она почувствовала несильный щипок в ногу. Посмотрев, кто это щипается, увидела краба, защищающего свою территорию. Стэлле стало смешно, глядя на него. Оторвав его от камня, Стэлла принялась рассматривать его. А краб, расставив клешни, пытался напугать ее устрашающей позой. Стэлла одарив краба ласковой и вместе с тем ироничной улыбкой, разжала пальцы. Краб сначала был вынужден поплыть в воде, прежде чем опуститься на дно. Оказавшись на дне, он тут же, спасаясь, юркнул в расщелину. Только его и видели. Стэлла вздохнула всей кожей. Запрокинула голову кверху. А там, далеко наверху, тоже кипела жизнь! А ей было здесь хорошо, спокойно и одиноко. Тихо и спокойно.

А в это время Браун носился за дельфином. Уж кому-кому, а ему было жарко и даже очень! Он забыл даже про воздух в баллонах. А дельфин все играл и играл с ним.

Том, закусив губу, смотрел на время. Воздух в баллонах Брауна был на исходе.

– Ну-с! И где твой дружок? – издевательски прокричал Эндрю. – А хвостун был отменный! Может его акула съела?

– Да хватит Вам! С вашей проклятой тростью! – закричал в ответ Том.

– Как скажете, сэр! – ответил Эндрю с тем же издевом.

В это время из воды вынырнул дельфин, сделав вдох, вновь ушел в глубину.

Браун всеми силами старался отнять у дельфина проклятую трость. В один из моментов дельфин раскрыл пасть и трость наконец-таки оказалась в руках Брауна. Это произошло на большой глубине. Оказавшись с вожделенным трофеем, Браун наконец посмотрел на часы. Запасов воздуха почти совсем не было. Также не оказалось рядом и наглого дельфина. Решение Брауна было молниеносным: он буквально рванул к поверхности. Но в это самое время – ай-ай! Откуда ни возьмись, снова дельфин! Но на сей раз наглости было хоть отбавляй! Он буквально вырвал из рук Брауна трость и начал снова нарезать круги вокруг него! Наглости этого дельфина не было предела! Браун понял, почему трость оказалась в его руках. Просто дельфину надо было всплыть на поверхность, чтобы сделать вдох! А ты, Браун, типа поддержи ее, а я сейчас вернусь! И вот снова «игра!»

– Ах ты, гад! – чуть не заорал Браун.

Тут он буквально кинулся на дельфина, а тот, увидев это, задал такого стрекача, что Браун только его и видел! Однако, собрав последние силы, устремился в ту сторону, куда уплыл дельфин. Наконец он невдалеке увидел его. Браун устремился вперед! Дельфин был все ближе, и вот наконец Браун догнал его!

Стэлла преспокойно рассматривала трость, которую ей «вручил» игривый дельфин. Сама не зная как, Стэлла вдруг издала писк, напоминающий дельфиний. Но расшифровка была ясна:

– Откуда она у тебя?

Дельфин ответил так же писком и скрежетом:

– Да заигрался тут с одним. Он вроде как шуток особо не понимает. Ищет чего-то. Я с ним играть, а он не хочет. Странный какой-то. Ну вот я его тростью и привлек!

– Ну а ты ее где нашел?

– Да тут, рядом совсем. Видишь, какая красивая! Видно кто-то потерял.

– А ты решил отдать ее мне?

– Ну да. А оно тебе идет. Я имею в виду не трость, а платье.

– Ах ты, джентльмен! – Стэлла заулыбалась.

– А что под ним, так это еще красивее! – пропищал дельфин.

– Ах даже вот как! – застеснялась Стэлла. – Мужики вы и есть мужики, хоть даже и дельфины! Ну давай, плыви, плыви!

И Стэлла подтолкнула слегка дельфина-джентльмена. Дельфин развернулся и...

Браун почти догнал «наглого» дельфина, протянул руку, чтобы хоть попытаться схватить трость, но вдруг дельфин развернулся и...

Дельфин, конечно, был весьма рад, что по воле случая встретились два человека, ну подумаешь, что один без акваланга! Ну и что тут такого? Он наигрался с тростью. «Да и в самом деле, чего эта штуковина так привлекла внимание того, что с аквалангом? Да и зачем этот акваланг ему так нужен? Вон, смотри! Ведь моя подруга без него вполне ничего себе! Учился бы лучше!» думал дельфин. Ну невдомек же ему, в самом деле, что оказывается среди людей, как они считают, существуют русалки! Нет! Ему даже это и на ум не приходило! Ему было здорово от того, что с ним теперь будут играть целых два человека! Вот как ему повезло!

Он стрекотал и, казалось, действительно улыбался, что нельзя было сказать о Стелле и Брауне. Они буквально застыли друг против друга действительно в немом молчании. Какие-то три, или четыре метра разделяли их. Оба от неожиданности тупо уставились друг на друга. Они как бы задавали друг другу один и тот же вопрос: «А ты чего тут делаешь?»

Оба от неожиданности тупо уставились друг на друга.

Первым человеком, который вышел из состояния оцепенения, была Стэлла. Браун был буквально парализован увиденным. Конечно, его можно понять. Молодая, красивая девушка с длинными волосами, с его тростью в руках, в длинном платье, без всякого акваланга, на

большой глубине, с выразительными, но, наверное, от неожиданности немного туповатыми глазами, сидит себе преспокойненько на подводном камне и как ни в чем не бывало, смотрит на него!

Стэлла, в свою очередь, поняла, что «засветилась». Резко сорвавшись с камня, она рванула наутек, вместе с тростью. Уплыла не куда-нибудь, а в глубину!

Бедный Браун! Он действительно заорал и кинулся прочь от камня, позабыв о трости! Дельфин был явно в недоумении. «Чего это с ними?» думал он, «Чего это они так перепугали друг друга?» А Браун позабыл, что воздуха осталось на несколько вдохов. Он плыл на поверхность не как профессиональный пловец. Он позабыл о том, как правильно работать руками и ногами. Руки, в этот момент были сами по себе, ноги сами по себе. Ни о какой синхронизации не могло быть сейчас и речи! Не помня себя от охватившего его ужаса, он оказался на поверхности. Доплыл до лодки, где кусая губы, ждал его Том, и не скрывая нахальной улыбки, восседал в яхте Эндрю.

– Том! – выйдя из оцепенения буквально захрипел Браун, срывая с себя маску. – Там! Там!

Браун даже говорить не мог. Волна суеверных предрассудков ворвалась в его душу и казалось, помutilа разум.

– Что? Говори! – Том пытался втащить его в лодку.

– Тягу отсюда! – заорал Браун.

– А где моя трость, хвостун? – крикнул с яхты Эндрю – Что? Не нашел? Ах ты паршивец! Но Браун даже не слышал его голоса. Он не знал куда себя деть, сидя в лодке.

– Гони отсюда, Том! – орал он.

– Да что с тобой такое? – заорал в ответ Том.

– Я видел! – крикнул Браун.

– Чего ты видел? – Том ошалело глядел на Брауна.

– РУСАЛКУ! Настоящую живую русалку! – Браун буквально метался.

В таком состоянии он был опасен в лодке, так как мог перевернуть ее. Да и сам мог попросту потонуть. Том ничего не понимая завел мотор, и лодка рванула с места.

Эндрю отчетливо расслышал последние слова Брауна о русалке.

– Эй! – заорал он им вслед – Что видел? Повтори!

– Да пошел ты! – крикнул ему Том, направляя лодку к берегу.

Эндрю вцепился руками в борт яхты. Понимая, что находится на волосок от невероятной тайны, уставился на воду, пристально всматриваясь в нее. Ему не жаль было трости. Что для него трость? Спичка! Из спичечного коробка! Нет! Не то вождедело его душу, не утрата трости, а что именно это обстоятельство вывело его на неуловимый след ТОГО, чего или кого он ищет! Иммуноандроидов! Он чуял, что близок к разгадке! И в этом ему по воле случая помогла его собственная трость.

– Ай-да трость! – тихо говорил он. – Ай-да умница! Не ожидал!

Так, постояв некоторое время и поглазев на воду, Эндрю дал команду плыть домой. Он даже не подозревал, что за камнями, там, вдали от него, прячась, за ним наблюдает Стэлла. Она увидела его, того, кто охотится за ней. Она так поняла. И она не ошибалась. Конечно, Эндрю не знал о ее существовании, но если бы узнал... И хоть Эндрю на своей яхте был очень далеко от берега, Стэлла прекрасно разглядела его. Фокус зрения ее сильно отличался от простого человека. После того, как яхта удалилась, дочь простого человека и иммуноандроида отправилась домой. «Вот теперь, возможно, я «засветилась»», рассуждала она по дороге, «Но кто поверит? Сочтут за галлюцинацию, вот и все. Воздуха, типа, не хватило, что и привело к гипоксии, ну и так далее». Так рассуждала Стэлла, и ее рассуждения оправдались, но только наполовину. Дед Антон и баба Серафима руками всплеснули, увидев ее во всем мокром.

– Внученька! – произнесла Серафима. – Давай-ка в душ скорее, а потом за стол. Я пирог испекла!

– Отлично, бабушка! – ответила Стэлла, поцеловала бабу Серафиму и пошла в душ.

После вкусного чая и великолепного пирога Стэлла пошла к себе. Ее просто сморил сон. И видела она во сне ту самую горящую точку на дне моря. И плыла она к ней. И хотела увидеть, но не дано ей было видеть то, что не положено. Пока.

Действие двадцать третье

Браун действительно загремел в больницу. Не пережив увиденного, он то прибывал в состоянии полного «ступора», то, наоборот, начиналась беспричинная эйфория. Ему вводили сильные успокоительные. Он привлекал интерес психологов. Было установлено, что он действительно пережил невероятный психический стресс. Группы психологов с разрешения психиатров навещали его.

– Это особый случай, – говорили психологи. – Нам необходимо поговорить с ним.

– Да это мы знаем, – отвечали психиатры, – только вот нам, в отличии от вас, необходимо его лечить от того бреда, который вы изучаете.

– Да понимаем, мы ненадолго, – упрасивали психологи и, добившись разрешения, вошли в палату, где лежал Браун.

Так, в один из дней, который ничем не отличался от других, к нему так же вошли психологи. Браун сидел на постели, тупо уставившись в одну точку.

– Не волнуйтесь, это действие успокоительных средств, – пояснила врач вошедшим к нему в палату.

– Как Ваше самочувствие? – спросила молодая женщина Брауна.

Браун молчал. Только после ее вопроса он начал немного раскачиваться взад-вперед.

– Вам плохо? – опять задала вопрос женщина.

– Не знаю, – вдруг ответил Браун, – я ничего не знаю.

– Вас зовут Браун, не так ли? – женщина пыталась завязать разговор.

– Даже если это так, то что из этого? – ответил Браун.

Казалось, что он не осознает себя как личность. Его сознание было как в тумане.

– Как Вы здесь оказались? – женщина ласково смотрела на Брауна.

– Я видел, – тихо ответил Браун.

– Что Вы видели? – тихо спросила женщина.

– Я видел ее, – ответил Браун.

– Кого «ее»? – повторила вопрос психолог.

– Я видел русалку, – ответил Браун. – Это не сказки, не легенды. Они существуют.

– Как она выглядела? – женщина была вся внимание.

– Очень страшная, – ответил Браун. – Глаза. Страшные глаза. Она уставилась на меня.

Она, русалка, уставилась на меня своими глазами. Она смотрела на меня. Она видела меня. Я не хочу, чтобы она смотрела на меня!

Браун постепенно повышал голос, наконец последнее он буквально прокричал. Врач-психиатр немедленно вошла в палату. Она взглянула на Брауна. Тот поднял на нее глаза.

– Все хорошо, док, – произнес он, – все хорошо.

Врач еще раз окинула всех взглядом:

– Только осторожнее, – предупредила она.

В ответ психолог кивнула головой. Вся группа из пяти человек стояла тихо возле входной двери. Женщина опять завязала с ним разговор. Пока она говорила, а вся остальная группа внимала их разговору, один из них незаметно подошел к врачу:

– Здравствуйте, – произнес он.

– Здравствуйте, – ответила врач.

– Скажите, а он у Вас тут давно? – спросил посетитель из группы.

– Ну так, скажем, а что? – врач посмотрела на него.

– Сейчас они закончат, и я бы хотел побеседовать с ним тет-а-тет. Это недолго. Он весьма интересный «фрукт». ИЮ как мне кажется, весьма созревший, – произнес посетитель.

– Ну, вообще-то... – потянула врач.

Последнее слово «созревший» было очень странно, но она не придавала этому особого значения.

– Я вас очень прошу, – молвил посетитель. – Я же под Вашим присмотром!

– Ну хорошо, – ответила врач, – только не долго.

– Разумеется! – обрадовался посетитель. – Вы очень, очень любезны!

С этими словами он удалился в палату. В этот момент к нему пришла СМСка: «Скоро буду!» Посетитель отбил ответ: «Ок!», и продолжал терпеливо наблюдать болтологию психологов. А те вовсю «корчили» из себя специалистов. «Когда же они, наконец, закончат?» даже у него лопалось терпение, глядя на всю эту «интеллигенцию», натянувших на себя белые халаты. Наконец через некоторое время, они стали выходить из палаты, изображая на лице глубокую работу мысли. Посетителю так и хотелось посоветовать им: «Лица попроще сделайте! Люди сами потянутся!» Но он только ухмыльнулся. «Пришел я вместе с Вами, а теперь я затерялся!» подумал он про себя. Затем, когда вся эта «рафинированная» команда удалилась, он, повернувшись к врачу, кивнул ей. Она ответила тем же жестом в знак согласия.

Посетитель вошел в палату и закрыл за собой дверь. В этот момент в клинику вбежал отправивший СМСку. Он уже знал куда идти. Уверенная походка и «морда кирпичом» сделали свое дело. Его даже никто не остановил. Только на лестнице его окликнула медсестра.

– А почему без халата?

– Обойдусь как-ни будь без Ваших «соплей», – рявкнул он.

А посетитель стоял у кровати Брауна.

– Так что ты видел? – произнес он.

– Я же говорю, что не знаю, – не смотря в сторону посетителя ответил Браун. – Я вообще ничего не знаю.

– Значит, не знаешь? – посетитель присел на корточки. – А меня ты узнаешь?!

Наконец Браун соизволил взглянуть на посетителя. А увидев побледнел. Это был Эндрю! Браун чуть не заорал.

– Тише, тише, а то придушу прямо здесь, – прошипел Эндрю, сверля звериными глазами Брауна, – Кого ты видел, говори, только тихо-тихо.

– С-с-сэр, – начал Браун, – я не знаю, клянусь не знаю. Она была там, под водой. Это была русалка.

– Та-а-аккк! – Эндрю обняв Брауна левой рукой, пальцами больно сдавил ему шею. – Значит ты ее видел!

– С-с-сэр! – Браун втянул голову в плечи и хотел закричать.

– Тише, тише, – в голосе Эндрю звучала угроза, – Я же сказал, будешь шуметь, задавлю! Прямо здесь! Паршивец! А трость мне сильно помогла.

В этот момент дверь палаты распахнулась, и в нее буквально влетел тот, кого ждал Эндрю.

– Вот! Это все, что удалось найти! – с порога брякнул он и бросил на стоявший здесь же стол бумаги.

Это были рукописи Альфреда Росса.

– Так, – произнес Эндрю, – не густо. Но это ничего. Сейчас мы едем к себе и забираем с собой этого говнюка!

Он показал на Брауна. Браун побледнел еще раз. Все происходило очень быстро.

– Сейчас ты нам подпишешь бумагу, – брякнул Эндрю Брауну.

Затем вынул из папки документ и положил перед ним. Затем дал ручку. В документе было написано о том, что он, Браун, не возражает ехать с этими добропорядочными джентльменами.

– Я это не буду подписывать, – пролепетал Браун.

– Мартин, – произнес вместо ответа Эндрю, – мне кажется здесь очень душно. Это же надо, в каких условиях держат больных. Мне кажется, что он вот-вот задохнется!

Мартин цинично улыбнулся и взял в руки подушку. Браун оторопел.

- Ну так что? – наклонился к нему Эндрю. – Будем подписывать, или как?
– Хорошо, – ответил Браун, – я подпишу.

Мартин, молча наблюдая за сценой, тискал подушку в руках. Браун взял ручку, что-то вывел ей на бумаге и вдруг кинулся на Эндрю! Ему не раз приходилось ловить рыбу под водой, протыкая ее копьём. Сноровка в этом деле не подвела Брауна и оказалась кстати. Защищая свою жизнь, Браун воткнул ручку, со всего размаха в лицо Эндрю, попав ему прямо в глаз! Все произошло настолько неожиданно, что Эндрю поначалу ничего не понял, а уж потом, залитый кровью, закрыл все то, что осталось от глаза руками и заорал. Мартин резко попятился назад, закрывая себя подушкой, которую только что тискал в руках, но все равно, получил по физиономии. А Браун, не долго думая, выбежал из палаты. Пробежав несколько метров, был схвачен медперсоналом. Его вернули на прежнее место. Когда открывали дверь палаты, то обнаружили там бледную как мел врача, ту самую, которая поддалась на уговоры Эндрю. Сам он сидел, раскачиваясь на полу, и стонал от боли зажимая рану. Ему было больно втрое! Его тут же отправили в другую больницу на операцию. Ну а Мартина попросту выгнали за пределы больницы. Ему вообще везло по жизни. То его Альфред Росс выгнал, то теперь медперсонал! А Браун таким образом избежал сметы, а если бы и выжил в палате, то не избежать ему было бы пыток в лапах Эндрю. Во всяком случае, пока для него все обошлось. А вот папка с бумагами, осталась лежать на столе. На нее никто не обратил внимания. Мартин после нападения Брауна на Эндрю попросту забыл про нее, а вспомнил, когда уже был за пределами больницы. Наплевавшись досыта, он отправился восвояси. Приказ был отдан молниеносно – к Брауну никого более не пускать! Это было на руку Брауну, а вот когда все улеглось, он обратил внимание на папку. Он сразу вспомнил, как тот, который мял в руках подушку, бросил ее на стол с репликой: «Все, что удалось найти!» «Что все?», подумал Браун, «Что вообще происходит? Почему я здесь? Ведь я не больной! Почему эти двое так заинтересовались этой моей русалкой? Может они что-то знают? Может разгадка русалки находится здесь, в этой папке?» Браун, осторожно взяв папку, раскрыл ее.

Действие двадцать четвертое

Извечные дилеммы и проблемы отцов и детей. В случае с Яном проблемы матерей и сыновей. Он чувствовал себя не просто одиноким человеком, тоталитарный характер матери уничтожал и то последнее, что оставалось в нем. Мать была всегда права. Это, по сути, являлось первым пунктом в жизни Яна. Пунктом вторым и последним являлось то, что если мать и не права, то полагалось в таком случае обратиться к пункту первому. Вот так, с позволения сказать, и жил Ян. Скорее, просто существовал. Поначалу вроде все так и должно было быть. Но время берет свое. Мать постоянно долдонила ему об учебе. Ян и сам был не против учебы, но уж слишком большая настойчивость матери по этому поводу тоже надоедала. Да и сам он уже хотел любви. Он хотел любить. Но, выращенный в условиях «мимозы», Ян боялся жизни. Он боялся и стеснялся девушек. Но однажды, увидев ту девушку на скале, понял, что не в силах быть без нее. Уж больно ему понравилась ее фигура. Не просто величественная, а современно красивая. Выходя на пристань, он всегда смотрел на заветную скалу. До того, как на ее вершине он не увидел эту девушку, эта скала ровно ничего для него не значила. А вот теперь, после ее появления, она стала для него заветной! Он душой тянулся к этой скале. А та девушка была для него как сказочное видение.

– Опять на скалу пялишься? – проговорила подошедшая мать.

– Ну и что тут такого? – промолвил Ян.

– Ну пойдешь, познакомься, – мать была серьезна.

Еще бы! После истории с бюстгалтером она забеспокоилась о Яне.

– Но как? – голос Яна был раздражен.

– Да вот так, запросто! – ответила мать.

– Я не умею, – отрезал Ян.

– Это ты не умеешь. А вот мамины вещи тискать умеешь, – тихо проговорила мать и добавила, – Да, пока мамы нет, пока ты один, ты герой!

– Слушай! – Ян посмотрел на мать. – Что ты хочешь? Ты сама меня таким воспитала!

– «Я хочу»! – тут мать потупила взгляд. – Вечно у тебя я во всем виновата!

– Да причем тут это! – Ян повернулся к морю. – Не умею я.

С этими словами Ян направился к пляжу. Кругом девушки, женщины. Конечно, у него голова шла кругом. Ян опять ненароком взглянул на скалу. Она пустовала. Ян вздохнул и, войдя в море, поплыл.

– Далеко не уплывай! – крикнула ему мать.

Конечно, можно понять ее беспокойство. Но она испугалась за сына, видя его настроение. А Ян плыл и плыл в водах моря, пытаясь заглушить в себе боль безответной любви. Он боялся даже познакомиться, не то что сделать предложение девушке, тем более той, которую любит.

Так шли дни его отдыха на море. Мать, желавшая сыну только «добра», продлевала дни пребывания на море. Правда в этом случае, это «добро», было, как ни странно, действительно добром. Во всяком случае, для Яна. Мать же хотела, чтобы он набрался сил к учебе.

А вот неподалеку, на пристани, была целая группа ныряльщиков с аквалангами. Возглавлял эту группу некто Борис. Так он себя и называл. Без всякого отчества. Просто Борис. Он хорошо знал Тома и Брауна. Слышал и об истории, которая с ними произошла. Борис не был суеверным человеком, все приписал действию гипоксии.

– Знаешь, Том, – говорил он в разговоре с Томом, – я не знаю. Я не суеверен. Да и не очень-то хорошо быть суеверным на глубине.

– Так ты бы видел его! – говорил Том. – Какой был надрыв в голосе!

– Не зря ведь в клинику-то угодил! Врачи разобрались! – ответил Борис.

– А ты и успокоился на этом! – подвел итог Том. – Так, что ли?

– Да не знаю я! – с раздражением ответил Борис. – Не знаю!

– Это легче всего сказать, – ответил Том, – и успокоить себя, так сказать, врачами. Ну если забрали, значит действительно загнуло, мол, человека. Ну с кем не бывает?

Борис промолчал. Том был прав. Но делать было нечего. Только время могло расставить все на свои места. Заправляли баллоны до отказа и ныряли. Далеко не отплывали. Хотя находились любители поохотиться на мелких катранов. Но у Бориса все было четко. Он все-таки отвечал за таких любителей подводного плавания. Он даже и не подозревал, что ему вскоре придется встретиться с Яном.

Действие двадцать пятое

Этой ночью Стэлле опять снилась яркая точка на морском дне. Опять она плыла к ней, но все тщетно. Стэлка уже свыклась с этим и просто не обращала внимания. Мало ли что снится. Сон есть сон. А утро было хорошим. Солнечным. Баба Серафима готовила завтрак. Дед Антон копался в огороде.

– Скоро, внученька, за стол, – сказала Серафима, ставя красивый чайник.

– Хорошо, бабушка, – проговорила Стэлла и пошла в ванну.

После сытного и вкусного завтрака Стелла пошла к себе в комнату. Ей вдруг захотелось прилечь. Она взяла скрипку и начала перебирать пальцами струны. Какая-то странная тревога накатила на нее. Она встала и, подойдя к комоду, открыла его. Там, в глубине, лежал отцовский подарок – клинок на ремне для ношения. Сколько она уже жила, а ни разу не надевала его. И вот она всем сердцем осознала, что пришел момент его надеть. Она взяла ремень с клинком и надела его. Она еще немного полежала. Солнце уже высоко. Тут к ней постучалась баба Серафима:

– Внученька! Ты лежишь? Часом не заболела?

– Нет, бабушка, все хорошо, – ответила Стелла.

Баба Серафима пошла к столу, закрыв дверь комнаты Стэллы. Стэлла продолжала лежать, заложив руки за голову. Все было вроде как хорошо, кроме одного – какой-то тревоги. Полежав еще немного, она вдруг решительно встала и вышла из своей комнаты. На ней была спортивного покрова майка желтого цвета, обтягивающая ее стройную фигуру. Мини юбка, так же обтягивающая. Клинок покоился на левом бедре. Дар речи пропал у стариков, когда она вышла к ним вот в таком наряде. Да и еще с клинком на бедре! Дед Антон только и смог произнести, глядя на нее:

– Вот это да-а-ама-а-а!

Он был в восторге от вида такой красавицы, да еще и при холодном оружии.

– И куда это ты, внученька, собралась? – немного придя в себя, спросила ее баба Серафима.

– Я к морю, мои хорошие, – ответила Стэлла. – Когда приду не могу сказать.

– Ты тока аккуратнее там будь, – произнес дед Антон.

– Конечно, – и одарив стариков доброй улыбкой, Стэлла вышла из избы.

– А помнишь нашу молодость? – дед Антон обнял супругу. – И навоевались мы с тобой, и наголодались вволю.

Посмотрев на супруга, баба Серафима только вздохнула. Да, красивые они были в молодости. Красота уходит с годами, только вот времени не подвластны добрые сердца. Вспомнилось ей, как вытаскивала она его раненого с поля боя, где рвались снаряды, где гуляла смерть. И от этих воспоминаний у обоих заслезилась глаза. Обняла Серафима своего супруга и, поцеловав, прижалась к нему, ровно как в то холодное утро сорок первого.

А Стэлла едва выйдя из дома, изо всех сил бросилась бежать к морю. Тревога овладевала ею все сильнее и сильнее. По нарастающей. Она бежала к высоченной скале, величественно возвышающейся над морем. На ту вершину, где она себя видела во сне.

Действие двадцать шестое

Воспитанный матерью, Ян не обладал большой физической силой, а тем более выносливостью. Ему надоела постоянная ее опека. Он не знал как быть дальше, в отличии, конечно, от нее, которая ему и невесту сама найдет. Было раннее утро, когда Ян вышел к пристани и снова взглянул на заветную скалу. Она была пуста.

– Что ты так стоишь одиноко? – сказал Ян, глядя на нее. – И я тоже одинок. Где же та девушка, которую я так полюбил? Может у нее уже кто-нибудь есть? Да, это скорее всего так. Она слишком красива, чтобы быть одной. Эх! Мама, мама! Как ты меня воспитала? По-моему, я просто трус! Причем самый настоящий!

– Ты с кем это там беседуешь? – раздался до боли в «селезенке» знакомый голос.

– С хорошим человеком, – ответил Ян.

– И чем же он так хорош, этот твой человек? – опять спросил голос.

– А ничем! – ответил Ян. – Просто не воспитывает и со всем соглашается.

– Ну да, конечно, – наконец подошла мать. – Большой ты у меня стал сынок! И мать уже не нужна!

– Это ты так говоришь, – отрезал Ян.

День был светел. Но не для Яна. Он шел по пристани, глазел по сторонам. Вся жизнь, которая была вокруг него, была не для него. Только природа и море успокаивали его. Он не чувствовал в них агрессии по отношению к себе. И тут до него дошло, что нет никакой агрессии со стороны окружающих его. Во всем виноват только он сам. Он просто дикарь среди всех! Эта мысль была как гром среди ясного неба. Ян вернулся в дом и прилег на диван. Так, думая над своей судьбой и никчемной жизнью, и так и ни к чему не придя в мыслях, вновь решил прогуляться по набережной. Проходя мимо пристани, он увидел аквалангистов. Он ни разу не плавал с аквалангом. Ему захотелось погрузиться на дно морское. И вдруг страшная мысль поразила его: «Чтобы никогда уже не всплыть на поверхность!»

Борис копался с аквалангом, когда к нему подошел Ян.

– Здравствуйте! – Ян старался быть крайне интеллигентным.

– Здорово! – также крайне просто ответил Борис. – Слушаю Вас!

– Да я, собственно, хотел бы... – начал Ян.

– Короче, нырнуть хочешь? – Борис был прост.

– Хочу, – ответил Ян, и добавил. – Я уже нырял, только охота еще.

– Что-то я Вас не припомню, – Борис сканирующим взглядом смотрел на Яна.

Борис был прост, но не настолько, чтобы не распознать хвастуна и лгунишку. Ян понял, что переборщил, и ретировался:

– Извините, я пошутил, я впервые, – Ян потупил глаза.

– А чего врать-то? – Борис с недоумением смотрел на Яна.

– Да вроде как стыдно просто, – пытался оправдаться Ян.

– Чего стыдно? – Борис снова принялся за акваланг.

– Ну, все вроде как опытные, а я новичок, – проговорил Ян.

– Этого как раз стыдиться не стоит, – заявил Борис. – Подводное плавание – это не шутки!

Всякое может быть. Человек может испугаться погружения. И тогда что?

– Можно попробовать? – просто спросил тогда Ян.

– А вот это другой разговор! – хлопнул Яна по плечу Борис. – Тогда будем учиться.

Конечно, это громко сказано, это скорее просто инструктаж. Но его надо знать, хотя бы для личной безопасности.

– Понял! – ответил Ян.

И Борис приступили к инструктажу. А тем временем Том не находил себе места. Друг в больнице, к нему не пускают, да и еще там произошло что-то нехорошее. Борис с ним говорить не хочет. В общем, все в одну кучу. «В конце концов, что уповать на «дядю»? Что он, маленький что ли? Как-нибудь и сам во всем разберется». И Том начал обдумывать план действий. Для начала понять вообще, что он хочет. А нужно вытаскивать друга из больницы, где его считают сумасшедшим. Но для этого он сам должен во всем разобраться. А значит найти, как это ни странно звучит, эту шутову «русалку». Но как? Никак иначе, как только самому прыгать на глубину с аквалангом. Однако, страшновато. Он же помнил, как перепугался Браун. Чего он там увидел? В самом деле! Однако, если бояться, то тайна этой «русалки» так и останется тайной, и Браун проведет остатки дней в психушке. Значит надо действовать. И Том принялся за приготовление снаряжения. И вот, спустя некоторое время, было все подготовлено. Особенно баллоны, которые под завязку были заполнены смесью для дыхания. Ласты, маска, ну и так далее. Том понимал, что поиски могут затянуться надолго. Но иного выхода он не видел. Немного прикинув, что к чему, он прихватил с собой весло, простое байдарочное алюминиевое, на всякий случай. И вот, наконец, все было готово к поиску неизвестного существа – «русалки».

Борис говорил и говорил, а Ян поддакивал и поддакивал, кое-как на лету запоминая основные правила, которые были ему, в общем-то, не нужны. Ему хотелось морской глубины, а не школьных знаний. Из вежливости он кивал головой. Борис, удовлетворенный тем, что его слушают, продолжал инструктировать, совершенно не замечая другого аквалангиста, пристально наблюдающего за развернувшейся сценой. Наконец он не выдержал:

– Борь! И сколько ты вот так будешь «лясы точить?»

– А сколько надо! – ответил Борис.

– Заканчивай болтовню! – крикнул аквалангист. – Тебе лекции читать надо, а не работать!

– А я что, по-твоему, делаю? – возмутился Борис.

– Запомни, – ответил аквалангист, – Лекции профессора читают или доценты! А ты хренью занимаешься!

– А ты откуда знаешь, чем я занимаюсь? – спросил Борис.

– Я сам «профессор», потому и знаю, – ответил аквалангист. – Короче, кончай болтать, снаряжай человека.

– Как скажете, «профессор!» – проговорил Борис – Ну! Чего ждешь? Давай! Вперед! – обратился он к Яну.

Тот не заставил себя долго ждать. И вот через несколько минут он был уже в костюме и с аквалангом.

– Дышать ртом, это понятно, – провел последний инструктаж Борис перед погружением Яна в глубину. – Давай, тихо, не спеша. А я за тобой.

С этими словами Борис, лихо надев на себя акваланг, так же лихо оказался под водой. Там, на глубине, они встретились.

А в это самое время, Том уже всю ехал на побережье. Он остановил машину, выгрузил из нее снаряжение и отправился к лодке. Бросив все в лодку, он отправился к Борису, чтобы предупредить его. В общем для того, чтобы он, как старший товарищ, был просто в курсе того, что он, Том, хочет добыть хоть что-то о этой «русалке». Конечно, Том прекрасно понимал, что его просто могут поднять на смех, но он все-таки решился. Тем более, что Браун лежит в больнице, и Тому нужны были ну хоть какие-нибудь доказательства того, что эта «русалка», будь она неладна, существует. Он понимал, что то, что он затеивает, является полным бредом, но он не мог поступить иначе. Том дошел до места, где всегда был Борис, но его там не было. Вместо него был этот аквалангист-«профессор».

– Здравствуйте, Сергей Петрович, – поздоровался с ним Том, – а где Борис?

– Здравствуй, Том, – ответил Сергей Петрович, – Борис с аквалангом плавает. А что он тебе понадобился?

– Да так, – замялся Том, – нужен.

– Может я чем помогу? – спросил Сергей Петрович.

– А? Да нет, Сергей Петрович. Спасибо, – ответил Том и добавил, – Ну я тогда, пожалуй, пойду.

Сергей Петрович пожал плечами. Том знал, что Сергей Петрович самый старший здесь, но не решился секретничать с ним. Мало ли что. И быстро пошел к лодке. Дойдя до нее и усевшись поудобнее, отчалил от берега. Затем завел мотор, и лодка дернулась с места. Том направил ее к злосчастному месту. Тому самому, где их встретил Эндрю.

А Стэлла карабкалась на вершину скалы. И вот она уже на самом ее верху. Именно здесь ее клинок, подарок отца, был озарен молнией как знак Высшего благоволения. Она стояла у края пропасти. Казалось, что вся земля была у ее ног. Красивая, величественная, стройная девушка. Она всматривалась в поверхность моря, она вслушивалась в волнение волн. Она, как будто ждала какого-то приказа от матушки-природы. Но вот что это за приказ она, увы, не знала. Она ждала. А потому стояла на вышине. Затем, опустившись на одно колено, стала пристальнее всматриваться в поверхность воды.

Затем, опустившись на одно колено, стала пристальнее всматриваться в поверхность воды.

Первое, что сделал Ян, оказавшись под водой, это попробовать дышать. Это оказалось достаточно легко, ведь акваланг делал свое дело. Далее, обретя некоторую уверенность, он поплыл на глубину, фактически перпендикулярно. И почти сразу оказался на дне. В ту самую минуту его нагнал Борис. Борис предложил ему сплывать подальше от берега. Ян согласился.

Они поплыли. Невероятный доселе мир открылся Яну. Какое богатство и красоту скрывает море в своих глубинах! Море достойно крайнего уважения. Фактически мир начался с него. Какие только красоты не увидел Ян. Доселе море скрывало их в своих глубинах. Ян даже забыл о своем намерении. Так поразила его эта красота! Он плывал и плывал, рассматривая дно, усеянное крабами, моллюсками, какими-то существами, прячущимися при приближении к ним. Множество рыб порою преследовало их. Нет-нет, да время от времени встречались кораллы. То поднимала муть со дна камбала, чтобы потом вновь зарыться в донный песок. Ян наслаждался видением этой поистине сказочной природой. Он заглянул как будто в другой мир. По сути, так оно и было. Вот появились катраны. Борис подал знак Яну, чтобы тот не боялся этих акул. На самом деле они действительно не причиняли никакого вреда. Мирно, хотя и быстро плавали они в море. Ян даже захотел одну потрогать, но акула поспешила ретироваться. Ян улыбнулся и помахал ей рукой. Ян забыл обо всем на свете, оказавшись в морской стихии. Он забыл о времени и очнулся только тогда, когда Борис, похлопав его по плечу, знаками показал, что пришла пора возвращаться. Действительно, воздушная смесь в баллонах подходила к концу. Волей-неволей, а подводное плавание подходило к концу. Первым поднялся из воды Борис, чтобы тут же помочь Яну. Сняв с себя акваланг, Ян, потянувшись, вздохнул воздух всей грудью. Ему было впервые хорошо. Попрощавшись с Борисом, он поспешил домой.

– Знаешь, мам, где я сейчас был? – с порога начал он. – На дне морском! Вот так!

– В гостях у Нептуна? – с иронией встретила его мать. – Надеюсь, поздоровался с ним?

– Да при чем тут Нептун? – проговорил Ян. – Там и без него красиво! Целое царство!

– И кто же, скажи мне на милость, тебя уполномочил в это царство лезть? – мать строго смотрела на Яна.

– Мам, я уже большой, – слегка растерялся Ян.

– И это тебе позволяет?!...

– Мам! Да хватит тебе, в самом деле! – резко оборвал ее Ян. – Я видел красоту приро...

– Значит вот что, дорогой мой! – мать не дала договорить ему. – В следующий раз изволь спрашивать разрешения!

– Мам! Да я хотел поделиться с тобой красотой подводного мира! Какой он удивительный! – Ян сам умолк.

Он больше не хотел говорить с матерью ни о чем и пошел к себе, хлопнув дверью. Мать уселась за стол. Она чувствовала, что теряла над сыном свой материнский контроль. Не прошло и десяти минут, как Ян, появившись вновь, пройдя мимо матери, вышел из дома, хлопнув напоследок входной дверью.

– Ян! Ты куда? А ну вернись! – только и смогла выкрикнуть мать.

А Ян, чуть не обливаясь слезами, вновь бежал на пристань. Затем, взяв себя в руки, он начал успокаиваться. Так он вновь дошел до Бориса.

– Опять ты? – удивился Борис – А теперь чего надо?

– Я еще раз хочу! – ответил Ян твердым голосом. – Мне понравилось!

– Еще раз? Понравилось? – Борис в некотором замешательстве посмотрел на Яна. – Еще, значит. Ну-у-у, я даже не знаю...

– А чего тут не знать? – ответил Ян. – Акваланг и вперед!

– Ну, а ты, братец, деловой, как я погляжу! – Борис посмотрел на Яна.

– А без дела в море не ходят, – Ян в упор смотрел на Бориса. – Тем более не плавают в глубины!

– Ага! Ну и какое же, с позволения сказать, у тебя дело к морю? – Борис упер руки в бока.

– Личное! – коротко сказал Ян, как отрезал.

– Ну раз так, то давай! – Борис улыбнулся, глядя на Яна.

И вот Ян уже снова в полном снаряжении.

– Ты меня-то подожди! – проговорил Борис, надевая снаряжение.

– Я не маленький, – твердо ответил Ян. – Я без сопровождения!

И с этими словами прыгнул в море. Борис только руками развел и покачал головой:

– Ну, пацаны! Ну, молодежь! Романтики подавай! К морю личное дело. Мне бы самому свои личные дела поправить.

А Ян был уже на дне. «Какая красота вокруг меня! В этой красоте и погибнуть можно!» с такими раздумьями он поплыл. Поплыл в глубину.

Том в это время достиг места обитания «русалки». Выключив мотор, он начал просто грести. Да, именно здесь, где-то здесь и водится то, что так напугало Брауна. Том, надев акваланг, нырнул в глубину.

Стэлла, будучи на скале, видела лодку с юношей. Видела, как он нырнул с аквалангом. «Зря он здесь плавать не будет», подумала она, «Это он, никак, по мою душу. Ладно, посмотрим по событиям». И Стэлла вновь стала наблюдать.

А Том в это время, приземлившись на дно, стал внимательно осматривать окрестность. Не прошло и минуты, как он почувствовал нехватку воздушной смеси. Он очень был удивлен. Однако, делать было нечего, пришлось немедленно всплывать на поверхность. Только уже находясь в лодке, он увидел, что индикатор у акваланга неисправен. Баллоны оказались пусты. Том обматерил все на свете. Но каково было его состояние, когда, проверяя запасные баллоны, он обнаружил то же самое! Со злости Том хотел перевернуть лодку вместе с собой.

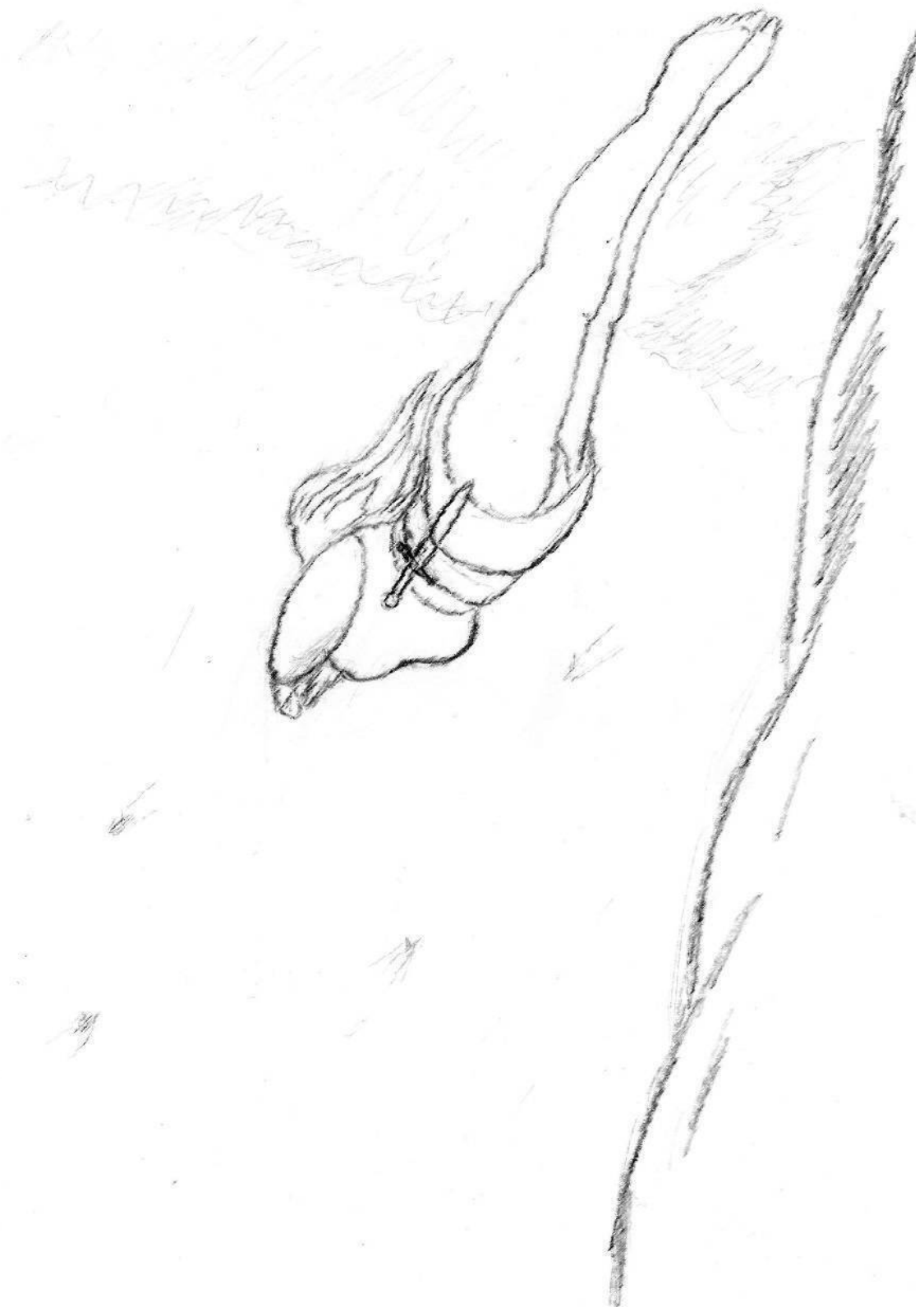
А Стэлка, всматриваясь в море, обнаружила у себя оптический феномен. Ее зрение работало как у хищной птицы. То есть могло приближать объекты наблюдения. Она-то и увидела все «дерганья» Тома от отчаяния. Стэлка ухмыльнулась, глядя на него. А Ян в это самое время плыл и плыл в глубину. Он почувствовал, что озлобление на все окружающее с каждым гребком становится все сильнее. Вот он даже перестал отдавать отчета своим действиям. Воля его была парализована. Ему даже стало страшно. Но он продолжал все плыть и плыть в глубину, с почти немигающим взглядом. Его мозг сдавила только одна мысль, которая ему кем-то была, как будто внушаема: «Отомсти этому миру своей смертью!» И «этого кого-то», Ян чувствовал всем своим сознанием, но ничего не мог поделать с Этим. От невероятной злобы, накотившей на него, он даже не чувствовал конечностей. Они как будто гребли сами по себе, унося своего хозяина в подводное царство, теперь уже навсегда. Сколько бы так плыл Ян, сказать не трудно – пока не кончилась бы воздушная смесь в баллонах, но в это самое время произошло нечто. Стэлле, находившейся в это время на вершине скалы, тоже пришла вдруг команда: «Приготовиться!» Стэлла не только почувствовала ее, но даже услышала ее в центре груди. Стэлла напрягла все внимание. Ян заплыл весьма глубоко, когда дно под ним внезапно вздыбилось! Через секунду он почувствовал, что его нога сильно сдавлена. А еще через секунду он уже был весь обвит огромными щупальцами. Ян действительно попал в цепкие объятия смерти. Огромный осьминог напал на свою добычу! Сильные щупальца с огромными присосками плотно легли на тело, сильно сдавив его. Одна из щупалец легла на горло. Тут только Ян опомнился. Ужас охватил его. Осознав, наконец, что смерть – это не «тетка», и у нее далеко не женское лицо, и что вот именно теперь она действительно неминуема, хоть и находясь в акваланге, Ян испустил душераздирающий вопль!

Мать Яна мыла посуду, на плите готовился обед. Картошка варилась, жарилась рыба. Взяв в руки тарелку, вымыв ее, хотела поставить уже на полку, как вдруг пальцы внезапно

ослабли и тарелка, упав на пол, разбилась в дребезги. Мать ослабла, и схватившись рукой за сердце, сползла на пол:

– Ян... – еле выговорила она.

Стихия воды и Стэлла! Они были едины. Морская глубина для нее – дом родной. И вот в этот дом, тихий и родной, пришла беда. Внезапно Стэлла услышала, как бы отдаленно, призыв о помощи. Он шел от морского дна. Стэлла еще раз прислушалась и тут вновь, как через резонатор, раздался вопль человека. Сильно у нее забилось сердце! Вот то, что звало ее сегодня сюда, на эту скалу. Стэлла поднялась, выпрямившись во весь рост, расправила плечи и, прогнув позвоночник, что есть силы оттолкнувшись от скалы, устремилась на помощь.

Стэлла поднялась, выпрямившись во весь рост, расправила плечи и, прогнув позвоночник, что есть силы оттолкнувшись от скалы, устремилась на помощь.

Подумаешь! Каких-то триста метров высоты! Ну и что тут такого? Для любого человека это страшная высота, смертельная опасность, но только не для нее. Сделав взмах руками,

Стэлла прыгнула вниз. Там, внизу, нет-нет да и проплывали маленькие суденышки. Возили туристов. «Вот только головой бы в палубу не воткнуться», шутила Стэлла, летя с огромной высоты в воду. Многие отдыхающие, проплывавшие на этих судах, любовались величием скал. Именно в ту минуту, у многих захолонуло сердце, увидев необычайную картину – человека, летящего с огромной высоты в море. Как красиво она оторвалась от скалы, совершив прыжок. Красивое, изящное тело ее было похоже на стрелу, выпущенную из лука. На бедре ее грозно блестели ножны. Сказочно и величественно красиво, и, казалось, до бесконечности долго, она летела вниз, в воду. Едва коснувшись поверхности, она почти беззвучно ушла в глубину. Отдыхающие не поверили, что такое вообще возможно. «Что это было?» они задавали себе невольно вопрос.

А Стэлла, едва оказавшись в воде, уже плыла на помощь, выставив руки вперед и делая волнообразные движения всем телом. Подобно змее. Целеустремленно, как торпеда, но только значительно быстрее, приближалась она к месту подводной трагедии.

А тем временем огромный спрут полностью обвил свою жертву щупальцами. Ян изо всех сил пытался освободиться от его смертельных объятий – куда там! Осьминог продолжал сдавливать его тело. Ян снова заорал. Этот вопль вновь был услышан Стэллою. А осьминог, притянув к себе Яна, открыл ужасающую пасть, окаймленную страшным костяным клювом. И вот, голова Яна уже в нескольких сантиметрах от этого клюва и неминуемой смерти. Вся жизнь пролетела у него перед глазами. И вот в этот самый момент...

Еще на приличном расстоянии Стэлла увидела всю картину случившегося. Ей тоже стало немного не по себе, когда она увидела такое чудище. Доисторическое существо, щупальца которого снаружи были темно-зеленого цвета. Кожа смотрелась на них, как панцирь. Такого клинком не взять. Уж если Стэлла слегка смутилась, что тогда говорить о Яне! Решение пришло незамедлительно – с нарастающей скоростью она пошла на таран!

Решение пришло незамедлительно – с нарастающей скоростью она пошла на таран!

Сжав пальцы в кулаки и развив еще большую скорость, она с невероятной силой торпедировала гигантского моллюска. осьминог, озабоченный скорейшим умерщвлением жертвы, не заметил атакующую. Стэлла угодила ему кулаками прямо промеж глаз. От неожиданности,

осьминог, как показалось Стэлле, ни много ни мало, а именно растерялся. А увидев, кто его атакует, стал вне себя от ярости. Только клювом провел по водолазной маске Яна, как тут же начал бороться со Стэллой. Конечно, такой наглости осьминог никак не мог ожидать. Тут Ян, к тому времени изнемогший от борьбы со спрутом, и понимая, что находился до этой секунды на волосок от смерти, теперь отчаянно цеплялся за жизнь. Он еще не видел, но понимал, что рядом кроме спрута есть еще кто-то. Тот, кто напал на его смертельного врага. Ян начал изо всей силы изворачиваться, добиваясь освобождения. И вот тут глаза его расширились до такого размера, что казалось, стали с водолазную маску. Он увидел ЕЕ! Прекрасную девушку в желтой облегающей спортивной майке и очень короткой облегающей юбке такого же цвета. Она истово боролась с обвившими ее щупальцами чудовищной морской твари. Но самое удивительное было то, что она была без акваланга! Увидев такое, Ян чуть ума не лишился и заорал еще раз. Но на сей раз Стэлла не стала обращать на него ни малейшего внимания. А собственно говоря – зачем? И так все ясно! Ну испугался, ну потерпи, чужак в акваланге! Однако ее борьба продолжалась. Но Стэлла – это далеко не Ян. Спруту пришлось нелегко. Тут Стэлла решила и извлекла из ножен клинок. Он был ослепительно ярок! Она со всей силы вонзила его в одну из щупалец моллюска. Вода стала окрашиваться красным цветом. Стэлла поняла, что ей удалось пробить этот панцирь. Осьминог слегка отпрянул назад. Затем он вновь вступил в бой, теперь уже только одной своей «ногой» удерживая Яна. Да и этого вполне хватало. Ян был буквально обвит этим щупальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.